

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 1(11)
2002

Первоцвет

№ 1 (11) 2002

Литературно-художественный альманах для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская библиотека
им. И.П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Редколлегия

Лидия Середкина
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Светлана Зубакова
Сергей Казанцев

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Василий Каптырев

Компьютерный набор

Валерия Попова

Верстка

Нина Мазутова

Адрес редакции:

664011, г.Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93, 20-43-01

E-mail: redaktor@youlib.irk.ru

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, Иркутск, ул.Чехова,10

В номере

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Анна Стародубцева. Добро пожаловать! 3

СТРАНА ПОЭЗИИ

Виктор Просекин 4
Дмитрий Тутов 31
Роман Колесников 11
Галина Фурманова 11
Алена Самокрутова 12
Оксана Зиновьева 13
Татьяна Журавлева 13
Светлана Сапожникова 14
Василий Балтахинов 15
Евгения Радионова 15
Наталья Алексеева 16

ПОДМОСТКИ

Анна Иоффе. Ночной поезд 18

ГАЛЕРЕЯ

Ирина Федчина. На холсте рождается природа 33

МИР ПРОЗЫ

Алексей Шманов. Синее стеклышко 8
Диана Шалтумаева. Поэзия каменных джунглей 35
Ирина Распопина. Эликсир бессмертия 36
Анастасия Москвина. Никогда не забыть 37
Мария Сергеева. Весна 38
Елена Ефимова. Колодцы средневекового сада 39

ГОСТИНАЯ

Эльмира Семенова 40
Татьяна Карелина 41
Елена Лисовская 47
Татьяна Бабанова 48
Татьяна Каргина 50
Глеб Русин 51

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Алексей Иванов. Кто играет в Counter-Strike 52

ЗОЛОТОЙ ФОНД

Валентин Распутин. Рудольфио 54

НА УЛИЦЕ УЛЫБОК

Александра Чекулаева. В школе было весело 61

Разговор с читателем

Первоцвет

№ 1 (11) 2002

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Перед вами одиннадцатый по счету выпуск «Первоцвета». Вы, конечно, не могли не заметить, дорогие наши читатели, что каждый номер отличается от предыдущего. Наша творческая группа находится в постоянном поиске — поиске новых авторов, рубрик, форм подачи материала. И это замечательно, поскольку означает только одно: наш «Первоцвет» — живой организм, он всякий раз рождается вновь, он не статичен, не законсервирован, а гостеприимно открыт для всяческих новшеств, самые ценные из которых — те, которые нам дарите вы, читатели и авторы. Именно материал, который мы получаем от вас, и определяет возникновение новых рубрик. Главное в нашей работе — постоянно чувствовать обратную связь, получать не только новые произведения, но и отклики на напечатанное в «Первоцвете», ваши мысли по поводу альманаха, предложения по его улучшению, чтобы он мог стать вам добрым другом — близким, понятным, доступным.

Хочу обратиться отдельно к юным жителям поселков, сел и деревень Иркутской области. Мы так далеко друг от друга, встречаемся лишь на страницах альманаха, тем ценнее для нас каждая такая встреча. Ведь нам, горожанам, так интересен ваш мир, интересно все, что вас волнует, — ваши мечты и радости, переживания и разочарования. Пишите нам чаще — о своем крае, о том, чем и как живут ваши сверстники в далекой глубинке, о любых подробностях вашего бытия — и мы с удовольствием возродим в «Первоцвете» рубрику «Моя малая родина», где обязательно появятся ваши имена. А в будущем, кто знает — может быть, редакция альманаха придет в гости именно к вам, чтобы познакомиться ближе с вами и вашими литературными опытами. Все предыдущие наши встречи с читателями и авторами (а было их уже немало) проходили удивительно тепло, мы в прямом смысле слова обретали новых друзей.

Обращаюсь к учителям русского языка и литературы и руководителям литературных объединений для детей и юношества. То, чем вы занимаетесь в такое трудное время, — это настоящий героизм. Пишите нам, присылайте плоды творчества ваших ребят (даже если это просто сочинения на вольную тему!) — наша рубрика «Гостиная» всегда открыта для вас. Давайте вместе подарим ребятам эту радость — осознание того, что их труд оценен, что они услышаны и поняты, что их надежды и тревоги нашли отклик в чьих-то душах.

Добро пожаловать на страницы альманаха «Первоцвет», дорогие наши авторы. Осталось немного: взять в руки лист бумаги, ручку и конверт...

А.С. Стародубцева,
гл. редактор

Разговор с читателем

Страна поэзии

Авторов рубрики «Страна поэзии» приветствует известная иркутская поэтесса ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА:

«Мне приносят немало рукописей молодые, даже юные поэты. Мы обсуждаем их на заседаниях литературной студии «Лист», стараемся, чтобы лучшие опусы были опубликованы в газетах, молодежных журналах...

На этот раз в моем «портфеле» оказалось много стихов о любви. Ну что ж, Молодость, Весна, Любовь... Это неразлучные понятия! Дадим же слово юным и влюбленным!

А сама я дарю им такой опус:

Красивые такие, юные —
поэты — точно гусли многострунные!
Их первозаданных песен
переливы —
Как на море
приливы и... отливы».

Виктор Просекин

пос. Усть-Ордынский,

студент заочного отделения журналистики ИГУ

* * *

Ваше имя — подсказка для счастья,
Изменилась в лице моя жизнь...
Полюбил — так с покоем прощайся,
Нелюбим — так с печалью сдружись.

Надо было быть осторожней.
О таком я совсем не гадал,
Сердце — слишком уж вольный художник,
Рисовало себе идеал.

Бедный разум! Притихнув, без власти
Слабо молит: «Будь, сердце, умней,
Видишь, в гости не просится счастье,
Лишь живет это имя во мне...»

Не изведал я радости в прошлом,
Да и в будущем вряд ли найду,
В этом имени, нежном, хорошем
Разглядел для себя я беду.

Я один, утопая в ненастье,
Долго жаждал об этом сказать —
Ваше имя — как заповедь счастья,
Только чьим суждено ему стать?

ОСЕНЬ-ЛИСА

Цвета пламени, с нравами лисьими.
Всем похожа! И так же хитра:
Заметая следы свои листьями,
Юркнет в лес, где в прохладе — нора.

Эти дебри — родное пристанище,
А она — из желанных добыч.
Серым ливням, безжалостным, ранищим,
Все ж ее удастся настичь.

В закромах шелестящего золота,
Драгоценном уюте своем,
Паутина незрелого холода
Разметает горящим хвостом.

Жаль, свобода красотки не вечная,
Эти всполохи — будущий тлен.
Белой стужи река быстротечная
Льнет к подножью березовых стен.

Засугробятся тропы осенние,
В нору золото спрячет лиса.
Все, что есть на земле, прах и тление,
Догоревшая чья-то краса...

В ЛЕСУ

Светом забытые тихие чащи,
Самое сердце мохнатых глубин,
Я, так нечасто к тебе приходящий,
Маюсь виной у шершавых осин.

В этом беда наша, боль и потеря —
Редкие гости мы в стенах живых,
В силу могучего старца не веря,
Не признаемся в поклонах своих.

Принят радушно, приветливо встречен,
В недрах лесных, как во сне, растворюсь.
Солнечным днем воцарившийся вечер
В ветви вплетает привычную грусть.

Где-то шуршат непонятные страхи,
Трепетом дивным наполнив меня,
Думы простерлись в нежданном размахе,
В вольные дали тихонько маня...

Духом легенды пропитана хмурость.
Жизнью особенный воздух пропах,
Ради меня ли она встрепенулась,
Тайны упрямо скрывая в корнях?

Вечно живет по природным заветам
Лес. Для него — как мгновенья, года...
Скуп одаренный солнечным светом,
Но навещаемый мной иногда.

* * *

В душе пробужденной и горько, и сладко
Недавно я новое чувство ношу,
Целуя тебя лишь глазами украдкой,
Смирившись, уже ни о чем не прошу.

Такое бывало — я нового жаждал,
Не думал, что будет такой эта новь.
Случилось... В лицо я увидел однажды
Красивую эту злодейку — любовь.

Боюсь, в этот раз не увижу пощады
Судьбы... А твоей понапрасну не жду,
И мне снисхожденья без чувства не надо,
Ведь с неба не снимешь чужую звезду.

Прости, хоть тебя я ничем не обидел,
А я и подавно обид не таю,
Ты знаешь — я мир по-другому увидел,
Случайно увидев тебя, не мою.

Дороги не те мы порой выбираем,
На нужные попросту встать не успев,
По занятой тропке, тихонько, по краю,
Пройду осторожно, тебя не задев...

* * *

И свет не мил, и мир не бел,
Да где ж конец печали?
Я будто тонну соли съел,
И мне запить не дали.

Во рту давно уже горчит
И до смерти обрыдло.
...А где-то, спрятавшись, стоит
Вишневое повидло...

Вещает мир со всех сторон:
«Вглядишься, как я прекрасен!»
Я — часть его, я тоже — он,
Но все же не согласен.

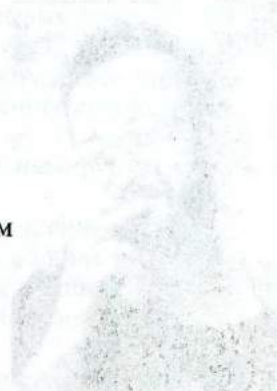
Ох, все не то! Везде не так!
И где тут будет славно,
Коль на чужбине я — чужак,
На родине — подавно.

Фортуна в лапах жмет своих,
И больно, и обидно,
Оно, наверно, для других —
Вишневое повидло.

Куда запрятать эту боль?
Унять пред образами?
Но мною съеденная соль
Не выйдет со слезами.

Кто ждет меня? Где я любим?
И должен сам ли ждать я?
Подкралась ночь к дверям моим
И бросилась в объятья.

...Свет помилел, мир побелел,
И вот конец печали,
В тисках тоски я уцелел,
Но целого ли ждали?

Алексей Шманов — член Союза российских писателей, выступает в самых разных литературных жанрах. На излете века, в 1999 году, он выпустил первый сборник лирических стихотворений «Автопортрет в пейзаже». Через год появилась книга рассказов для детей «Красная тапочка», уже хорошо знакомая иркутским школьникам. В Театре юного зрителя им. А. Вампилова идет спектакль по его пьесам «Лабиринты сновидений». Сегодня на рабочем столе писателя — повесть, пьеса, стихи, рассказы.

Алексей Шманов

СИНЕЕ СТЕКЛЫШКО

Давным-давно, кажется, в прошлом месяце, у Сережи был небольшой, размером со спичечный коробок, осколок синего стекла. Он очень им гордился и давал смотреть не просто так, а за половину яблока или за орех, или еще за что-нибудь. Но сначала-то он давал просто так, ни за что, это потом он догадался про яблоко.

— Красиво, — сказала Аня, вернула стеклышко и больше в него уже не смотрела. Даже за просто так. Миле стеклышко понравилось значительно больше:

— Ах, какое все красивое, — восклицала она. — Какое все синее! — и направляла стеклышко то на солнце, то на дома, то на прохожих. Стекло ей действительно нравилось, но отдавать за просмотр пол-яблока или даже горсть семечек Мила не собиралась.

— Вот еще, — сказала она Сереже, — хочешь, так грызи свое стекло вместо семечек.

Так что брать свою дань Сережа мог только с Коли. Тому синее стеклышко не просто понравилось — он в него влюбился. Он отдавал Сереже все, что у него было, и смотрел, смотрел...

Синее небо и синее солнце, синие дома и синий асфальт, синие мама и папа, синие брат и сестра, все обыденное и уже успевшее по-

рядком надоесть за его неполные семь лет, все, если смотреть сквозь синее стеклышко, становилось необычным, сказочным, волшебным... Ах, как хотелось Коле иметь синее стеклышко... или голубое... даже фиолетовое ему бы подошло... Но лучше все-таки синее. Оно такое... Оно самое волшебное.

— Где ты его взял? — спрашивал Коля у Сережи.

— Мне его Алиса дала, — отвечал Сережа, — а я ей за него десять яблок, мешок семечек, сто бутербродов с колбасой и торт, огромный, как песочница.

Конечно, он врал. Если бы стеклышко ему отдала Алиса, ничего бы она с него не взяла. Она всегда только дарит и ничего не требует взамен... Да и не отдала бы она Сереже стеклышко. Она знает, кому нужней. Она отдала бы его Коле... Нет, если бы у Алисы были синие стеклышки, она раздала бы их всем — и детям, и взрослым. И тогда все бы стало синим и красивым. И каждый был бы, как добрый волшебник, а жизнь была бы сказкой со счастливым концом и началом. И все бы... Но нет у Алисы синих стеклышек. Ни одного. Да и Сережа свое потерял, и Коле не во что стало смотреть. И все стало опять обычным и серым, даже река и небо... А разве можно жить на

свете, когда все серое, особенно когда тебе неполных семь лет?

И Коля стал искать синее стеклышко. Он искал его под мостом и за гаражами, на свалке и просто на асфальте под ногами. Но попадались бесцветные, много зеленых и не совсем зеленых, попадались даже почти красные. В них тоже было интересно смотреть, но разве сравнить их с синим стеклышком?

Коля искал синее или голубое, даже фиолетовое ему бы подошло...

Однажды к нему подошла Аня и увела подальше от остальных в глубину двора.

— Смотри, — сказала она и разжала кулак. В ее потной ладонке лежало синее стеклышко. Оно было даже меньше, чем Сережино, но цвет... Коля приложил стеклышко к правому глазу и, зажмурив левый, посмотрел на солнце... Цвет у стеклышка был синий-синий. Самый синий из всех опенков синего...

— Это мне? — улыбнулся Коля.

— Тебе, — сказала Аня.

— Просто так?

— Еще чего, — удивилась Аня. — Папа сказал: за просто так даже кошки не рождаются. Мы можем поиграть с тобой в магазин. Хочешь?

— Хочу, — Коля был согласен на все.

Аня сделала сердитое лицо, и оно у нее получилось точь-в-точь, как у продавщицы пивного ларька.

— Будете брат, гражданин? — поинтересовалась она со строгой улыбкой.

— Буду, — кивнул Коля.

— Пять рублей, — сказала Аня и пояснила. — Импортный товар. Свежий. Только что из Японии.

Коля растерялся. Он посмотрел вокруг — ничего похожего на пять рублей поблизости не оказалось. Тогда он пошарил в карманах и нашел смятый фантик.

— Вот пять рублей, — протянул он фантик Ане. Та брезгливо от него отмахнулась и вырвала из Колиной руки синее стеклышко.

— Надо настоящие.

— Но у меня нет.

— Папа говорит: сколько пива, столько песен. Принесешь пять рублей — получишь стеклышко.

— Где же я их возьму?

— А мне какая разница? Бери, где хочешь.

Чуть не плача, Коля ушел домой. И дома вспомнил. Как он мог забыть? Деньги в их семье никогда не прятали. Аккуратной стопкой они всегда лежали в верхнем ящике кухонного комода. Там Коля их и нашел.

Среди сиреневых, красных, зеленых и серых денег он сразу отыскал красивую синюю пятирублевку. Все правильно — синие деньги за синее стекло... синих детей и взрослых.

Коля отдал пять рублей Ане, а взамен получил:

синий песок и синие игрушки,
синие дома и синие деревья,
синих собак и кошек,
синих детей и взрослых...

И еще:

синий дождь и синий ветер,
и синее-синее солнце
на синем-синем небе...

И еще:

синий цвет,
синий звук,
синий запах
и все-все

синее-синее
на ощупь...

Но Колино счастье длилось недолго. Аня как приличная девочка отдала заработанные пять рублей маме. Узнав же, каким образом достались деньги ее дочери, мама вернула пять рублей родителям Коли. Нет, Колю не ругали. Ему попытались объяснить, что такое деньги и как следует к ним относиться... Из всех объяснений он понял только то, что ему придется расстаться с синим стеклышком...

Господи, знали бы его родители, с чем ему приходилось расстаться... Разве бы они... Но они не знали.

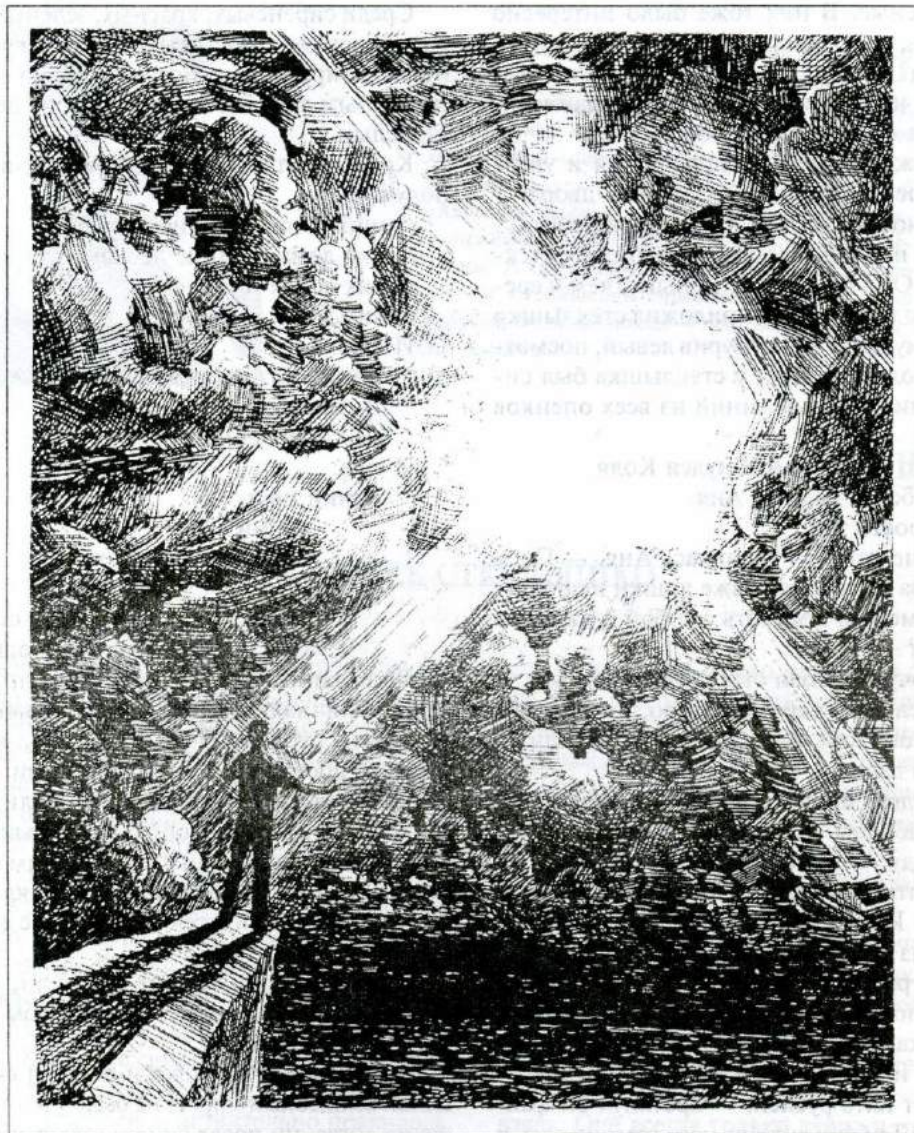
Коля отдал стеклышко и потерял синий-синий волшебный мир. И не было у него больше ни тогда, ни после синего стеклышка...

А ведь Ане оно было не нужно...

Хотя синее стеклышко нужно всем, даже если они и не знают об этом... Но живут же люди без синих стекол...

Разве они живут?

Мир через

Василий Каптырев

«Воспоминания»

Ирк. худож. училище,

II курс

Роман Колесников

г. Иркутск, педагогический колледж № 1

* * *

Разделяя себя на тебя и меня,
Я забуду все наши встречи.
Отталкиваю тебя, любя,
И чувствую — стало легче.

Удивляешься ты и становишься ты
Вдруг далекою и туманной.
И желтеют цветы, умирают цветы
На стеклянной полочке в ванной.

Фото с дальним, из воспоминаний, лицом
В пыльном ящике мною забыто.
И тебе неподаренное кольцо
На похмелье весною пропито.

В сердце осень, за нею — зима,
Но я знаю, я ведаю: вскоре
За зимою седою наступит весна,
В моем доме все окна раскроет.

А в дорогах я вовсе забуду тебя.
Одиночество станет мне ближе
В самолете, первого сентября
Вылетающем из Парижа.

А ты в городе старом будешь долго жить,
И кого-то встречать с работы,
И, наверное, будешь всерьез дорожить
Пожелтевшим от времени фото.

Галина Фурманова

ИГПУ, фил. фак-т., IV курс

* * *

Горло мое сожмите в пальцах
Пяти чувств.
Секунда — и лик скитальца
Вовне — пуст.
Минута — и остается
Один мозг.
И возраст тех самых пальцев,
И слез воск.

Алина Самокрутова

ИрГТУ

ПУСТЬ ЗАДЫШИТ ДУША

«Пусть задышит душа» —
Я услышала фразу,
Целый день в озадаченном трансе хожу.
Все стандарты круша,
Потрясла меня сразу:
Что такое — душа? Что такое — дышу?

О душе, уж известно,
В веках размышляют,
И дыхания тайна интригует людей.
Только липну, как в песнях,
Слова удивляют:

«Пусть задышит душа?!»
В суть бы вникнуть скорей!
За ответом я к полю
Обратиться решила,
Надышалась простором и запахом трав,
Нагулялася вволю,
Средь берез побродила,
Свежей сладкой прохладой жар сердечный уняв.
А потом обратилась
К вечернему лесу,
Весь пронизан он сказкой и былью живой.
Я ему поклонилась
И — для полного весу —
Набрала в свое сердце глубочайший покой.
У закатного неба
Красок я попросила,
Ветер дал мне свободы и света небес,
Солнце — теплого хлеба,
Энергии, силы,
Показав на вечерне мир забытых чудес.
А потом во дворе
Я нашла ребятишек —
Малышей, хоть у них еще живы глаза!
Насмеялась в игре
Средь девчонок, мальчишек,
Только жаль, их спугнув, набежала гроза.

Проливная вода
Дивной страстью омыла,
Я пила эти струйки парной чистоты,
И... вздохнули года,
И мечта окрылила,
И весь мир просиял естеством красоты.
Всюду льется движенье,
Дух волнует желанье,
Дарят звезды мне легкость и яркость лучей.

И пришло озаренье,
Пробудилось сознание:
Важно встретиться в жизни с душою своей!
«Пусть задышит душа» —
И моя задышала,
В унисон вечным ритмам земной высоты,
Я пошла неспеша,
Я уже понимала,
Что задышит она
От Святой Простоты.

Оксана Зиновьева

Педагогический колледж № 1

ЗЕРКАЛА

В лунную ночь не смотри в зеркала:
Мало реального в блеске стекла.
Мысли, как тени, в плену пустоты,
В зеркале вдребезги бьются мечты.

Стоит задуматься над пустяком,
Перевернуть теоремы вверх дном —
В зеркале власть колдовства ожила.
В лунную ночь не смотри в зеркала.

К черту гаданья на тусклых свечах!
Судьбы и случай родним мы подчас.
Властен над нами лишь времени свет,
В зеркале льстивом пророчества нет.

Татьяна Журавлева

пос. Квиток Тайшетского района

ВОКЗАЛ

Печальный жест белого платка.
Слезы с щеки мимолетно сбегают.
Печаль опустошает вокзал.
Мокрый воздух вокруг парит,
И кажется, день не кончается.
Поезд ушел, и лишь точка вдали — «Иркутск».
Ночные огни горят,
В призрачном потоке машин,

Страница поэзии

Как капли росы на солнце,
Они бегут в никуда.
Наутро ярко блещет день,
Освещает пути шоферам.
Смотри сонными глазами,
Они едут в никуда.
Люди бегут по своим делам,
В отдаленном для них мире
Ловя такси.
Со всех сторон он окружен
Великолепием своим.

Светлана Сапожникова

п. Качуг, шк. № 2, 11 кл.

ТЫ УВИДИШЬ МОЮ ЗВЕЗДУ

Когда сердце в груди замирало
И душа надрывалась от слез,
Я писала тебе. Писала
Кровью солнца и пылью звезд.

Нет дорог между мной и тобою,
Между нами лишь Млечный путь.
Лунным светом тебя укрою,
Только ты обо мне не забудь.

Просто вспомни, когда на небе
Ты увидишь мою звезду.
Где бы ты во вселенной ни был —
Я тебя все равно найду.

Я тебе подарю кусочек
От таинственно-желтой луны,
Чтобы ты черно-белой ночью
Видел только цветные сны.

Чтобы в них забывались тревоги,
И разлуки, и горечь слез.
Чтобы снились тебе дороги
Из рассыпанных мною звезд.

Ты по звездам дойдешь до рассвета,
Млечный путь наш заменит Земля,
Но звезда моя, спящая где-то,
На закате поманит тебя.

Василий Балтахинов

п. Качуг

ДОЖДЬ

Настойчиво буду стучаться в окно
И бить в барабаны.
Я знаю, тебе очень скучно одной
И планы туманны.
Возьми черный плащ — погуляем вдвоем,
Окунемся в ненастье,
По лужам пройдемся, друг друга пойдем —
Все будет прекрасно.

А люди с зонтами идут — ну и пусть:
Скорее промокнут.
Кричат: «Надоел!» А я только смеюсь,
Трезвоня по окнам.
Ну, что же ты медлишь? Давай выходи!
Нас ждут переулки.
Пусть город скучает и хмуро глядит
На наши прогулки.

Евгения Радионова

Ульканская шк. № 2

Я И ПРИРОДА

Темно-синий купол неба,
А на нем гирлянды звезд.
Покрывала все из снега
Ночью выткал нам мороз.
Я теперь, как будто в сказке,
Слушаю деревьев звон,
Ощуаю ветра ласку
В царстве ледяных колонн.
Медленно и плавно опускаясь,
Кружатся снежинки в небесах
И, ладошки тепленькой касаясь,
Исчезают, как в волшебных снах.
Мир из мрамора и хрустала
Окружает нас.
Повод восхищения — зима,
Властная хозяйка всех прикрас.
Разве в сердце птах не встрепенется,
Прославляя славное житье?
Этот птах давно душой зовется,
Сердце делает добрей твое.

Сирена поет

Наталья Алексеева

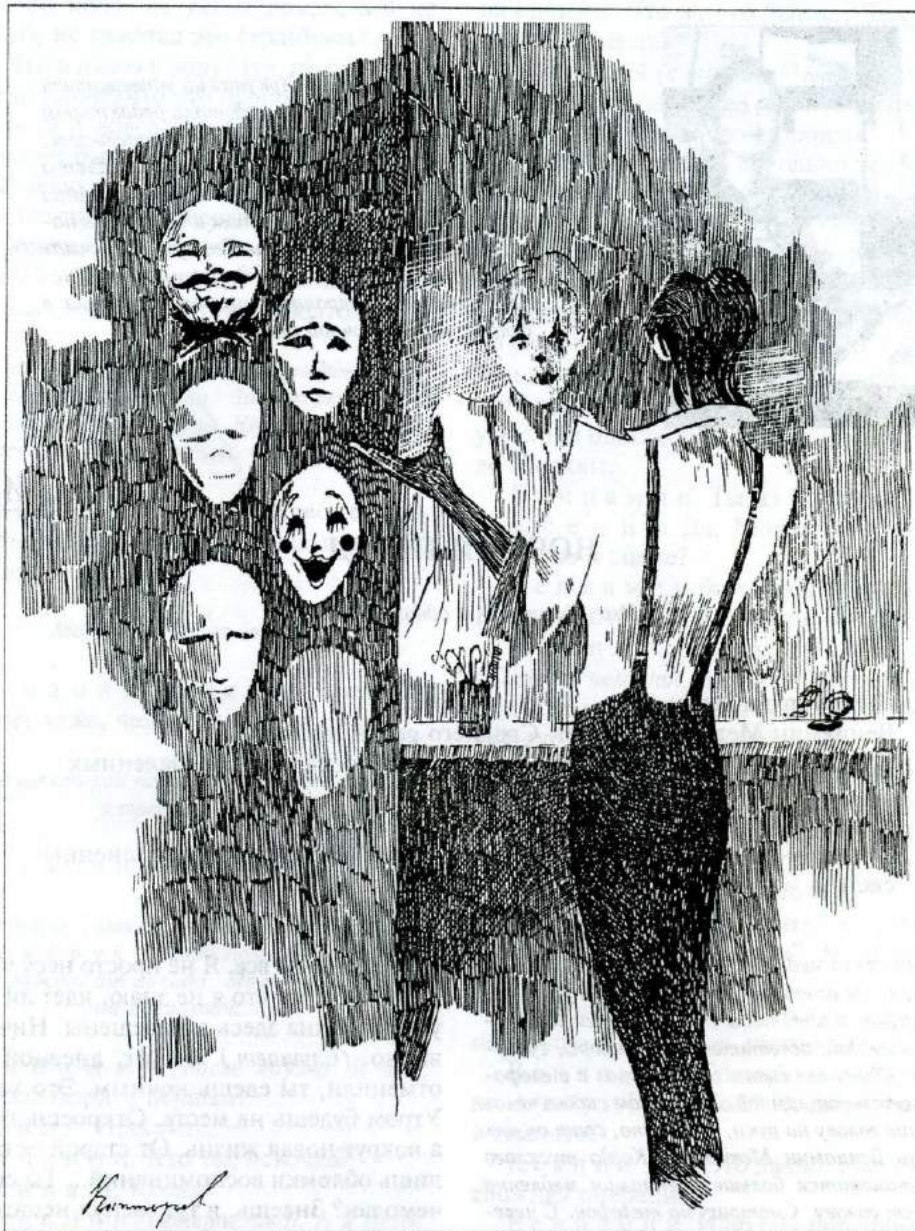
Современный гуманитарный университет,
II курс, фак-т психологии

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Иду, бреду, прощаю, молюсь,
Ненавижу, люблю и, наверно, боюсь.
Лечу, плыву, вот-вот упаду.
Еще надеюсь, но вдруг пропаду.
Смеюсь и плачу, кричу и молчу,
Могу, обижаюсь, но все же хочу.
Глаза открыты, не сплю и бреду,
Тебя не вижу, возможно, найду.
Дышу, надеюсь и верю опять,
Спешу, мечтаю, учусь долго ждать.
Чувствую, слышу, метаюсь, борюсь.
Вот так происходит, когда я влюблюсь...

✓

Vasily Kaptyrev

Василий Каптырев,
Ирк. худож. училище,
II курс

Анна Иоффе окончила Иркутский университет в 1991 году. Четыре года работала редактором в Восточно-Сибирском книжном издательстве. Сейчас сотрудничает с редакцией газеты «СМ Номер один». Со студенческих лет Анна Иоффе была актрисой, поэтом и автором в народном театре «Диалог» и Театре А. Гречмана. Впечатления от этой деятельности и неповторимой театральной атмосферы легли в основу пьесы «Ночной поезд».

Анна Иоффе

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Игра-фантазия в одном действии

Действующие лица:

Вениамин Метелкин, 40 лет. Среднего роста, худощав.

В лице — ничего особенного, кроме глаз — нервных и воспаленных.

Ксения Крук, 21 год. Маленькая, хрупкая, бледная.

В лице — ничего особенного, кроме глаз — прозрачных, наполненных светом.

В темноту зала медленно просачивается бледный луч фонаря. Он освещает небольшую сцену, на которой царит настоящий театральный хаос — тюки с одеждой, осветительные приборы, сундуки и т.д. Сбоку от сцены стоит стол с телефоном и настольной лампой. За столом сидит человек, уронив голову на руки, — не ясно, спит он или нет. Это Вениамин Метелкин. Когда тусклого света становится больше, Вениамин медленно поднимает голову. Смотрит на телефон. С черпащей скоростью снимает трубку и набирает номер.

В е н и а м и н (говорит в трубку). Это я. Да. Опять я. Как там у тебя погода? Дождь? У меня тоже. Ты так далеко от меня. Целых три квартала. Двести сорок четыре шага, я считал. И у тебя дождь, и у меня дождь. Что ты скажешь об этом совпадении? Оно не случайно. Нет, конечно не случайно. (Некоторое время слушает.) Да. Я несу чушь.

Но это еще не все. Я не просто несу чушь — я вру. Потому что я не знаю, идет ли дождь у меня. Окна здесь занавешены. Ничего не видно. (Слушает.) Значит, дневной поезд отменили, ты едешь ночным. Это хорошо. Утром будешь на месте. Откроешь глаза — а вокруг новая жизнь. От старой останутся лишь обломки воспоминаний... Ты собрала чемодан? Знаешь, я тут заснул ненадолго и проснулся от странной тревоги. Я не мог вспомнить, какой подклад в нашем чемодане — в красно-черную или красно-синюю клетку? Помню, что в клетку. А вот в какую? Мне совершенно необходимо это знать. Не поверишь, но ничего важнее этого сейчас в мире нет. Это чистая правда. (Слушает.) Нет, милая, я не пьян. Пожалуйста, ответь мне насчет подклада. (Ждет.) Красно-черная? Это ужасно. Это мой приговор. Я загадал — если будет красно-си-

няя, то я переживу эту ночь. Значит, не суждено. *(Слушает.)* Нет. Я не пил ни капли. Не веришь? *(Слушает.)* Спасибо, что веришь. Скажи, а тебя это не настораживает, не пугает? Ну, то, что сейчас десять часов вечера, а я трезв как стеклышко. Ты уезжаешь, скоро ночь, на улице дождь, а я не пьян. Тебе не кажется это странным? *(Слушает.)* Что я имею в виду? Ну, не приходит ли тебе в голову, что это дурной знак? Может быть, я и вовсе не собираюсь сегодня пить. Может быть, рядом со мной лежит веревка. Сейчас я положу трубку и сделаю из веревки петлю. А без десяти час, когда твой поезд тронется от вокзала, я продену в петлю голову... *(Слушает.)* Да. Я понял. Прости, милая. Это просто глупая болтовня.

Кладет трубку. Некоторое время сидит неподвижно, глядя на телефон. Затем откуда-то из-за стола достает веревку. Неспешными, вялыми движениями делает петлю. Стук в дверь.

В е н и а м и н. Шустиков, я тебе сказал, чтобы ты не смел сегодня сюда являться. Иди к черту.

Молчание. Снова стук.

В е н и а м и н. Если я сейчас открою, тебе будет хуже, чем если я не открою.

После некоторой паузы стук повторяется в третий раз.

В е н и а м и н. Я предупреждал.

Идет к двери, рывком ее открывает. Входит К с е н и я К р у к с чемоданом. Она в мокром плаще, дрожит от холода. Молчит, смотрит на Вениамина.

В е н и а м и н *(после паузы)*. Я что, должен заговорить первым?

К с е н и я. Простите.

В е н и а м и н. Кто ты, девочка?

К с е н и я. Я. Ксения.

В е н и а м и н *(нетерпеливо)*. А я Веня. Что дальше?

К с е н и я. Понимаете, дневной поезд отменили. Пришлось ехать ночным.

В е н и а м и н *(растерянно)*. Что ты сказала?

К с е н и я. Дневной поезд отменили, и я села на ночной. А он в неудобное время приходит — поздно вечером. Николай Николаевич ждал меня днем, а я вот... опоздала. Позвонила с вокзала — его дома нет. Наверное, в гости ушел.

В е н и а м и н. Николай Николаевич?

К с е н и я. Ну да, Николай Николаевич Званцев, главный режиссер. *(Забеспокоилась.)* Это ведь театр, я правильно попала?

В е н и а м и н *(рассматривает ее)*. Значит, дневной поезд отменили, и ты приехала ночным. Что ж, это бывает. Даже чаще, чем ты думаешь.

К с е н и я *(с тревогой)*. Это театр?

В е н и а м и н. Театр. А ты разве не видишь? Оглянись по сторонам.

К с е н и я. Здесь довольно темно, но я вижу сцену. *(С облегчением.)* А я уж испугалась, что заблудилась. Такси сначала подъехало с центральной улицы, но главный вход был заперт, и на стук никто не отозвался. Поехали к черному ходу. Шофер довез меня до угла — впереди было разрыто. Сказал — иди прямо, потом свернешь, и через тридцать шагов будет дверь. Ну, иду — а темно, ужас. Ни одного фонаря. Непривычно после Москвы.

В е н и а м и н. Ты из Москвы?

К с е н и я. Да. Можно мне подойти поближе к сцене?

В е н и а м и н *(колеблясь)*. Ну подойди. Промокла? Сильный дождь на улице?

К с е н и я. Не сильный. Противный. *(Ставит чемодан, проходит. Теперь становится заметно, что она прихрамывает.)* Какой тут у вас беспорядок.

В е н и а м и н. Да, есть немного. Проводим инвентаризацию всякого старья.

К с е н и я. Перед открытием нового сезона?

В е н и а м и н. Именно так.

К с е н и я. Понятно. Мне у вас нравится.

В е н и а м и н. Вот как? Это после столичных-то театров?

К с е н и я. Мне нравится, что все такое небольшое, камерное, уютное.

В е н и а м и н. Спасибо на добром слове. А что у тебя с ногой? Подвернула здесь, в темноте?

К с е н и я. Нет. Это давно. У меня была сложная операция.

В е н и а м и н. И до сих пор хромаешь?

К с е н и я *(просто)*. А теперь так и будет.

В е н и а м и н. Так и будет? В смысле, навсегда, что ли? На всю жизнь?

К с е н и я. На всю жизнь. *(Оглядывается.)* А я шла и думала — хоть бы кто-нибудь был в театре. Николай Николаевич говорил, что ночного вахтера вы сейчас не держите. Много спектаклей, почти всегда кто-то репетирует по ночам. Так оно и оказалось. А то сидеть бы мне на вокзале.

Конечно, неудачно вышло. Наверное, Николай Николаевич решил, что я уже не приеду. А я приехала, только ночным. Я сниму плащ? Он совсем мокрый.

В е н и а м и н. Ладно. Сядь, посиди.

К с е н и я. Спасибо. *(Снимает плащ, садится на стул.)* Мне вечно не везет. Лифт ломается, дуги у троллейбуса отлетают. Теперь вот поезд отменили. Вы не знаете, куда мог пойти Николай Николаевич?

В е н и а м и н *(он явно думал о чем-то другом)*. Что? Николай Николаевич? Нет, не знаю. Понятия не имею.

К с е н и я. А кто-нибудь еще может знать?

В е н и а м и н. Кто-нибудь еще?

К с е н и я. Ну да, кто-нибудь еще из театра.

Вениамин молча, задумчиво смотрит на нее.

К с е н и я. Что вы так смотрите?

В е н и а м и н. Ничего. Видишь ли, я тут совершенно один.

К с е н и я. Один во всем театре?

В е н и а м и н. Можно и так сказать. До твоего появления у меня вообще было чувство, что я один во вселенной.

К с е н и я *(осторожно)*. Это странно.

В е н и а м и н. Что странно?

К с е н и я. Я подумала — вы один из актеров, которые тут по ночам репетируют.

В е н и а м и н. Да. Так оно и есть.

К с е н и я. Вы актер?

В е н и а м и н *(вдруг раздражается)*. Разумеется, я актер. Кто же еще? Ты что, в этом сомневаешься?

К с е н и я. Вовсе нет.

В е н и а м и н. Ты сомневаешься, я вижу. И напрасно! Ты бы лучше спросила — кто в этом театре еще актер, кроме Вениамина Метелкина! Кто, кроме Вениамина Метелкина, достоин в этих стенах называться актером!

К с е н и я. Простите. Я не хотела вас обидеть. Я раньше никогда не была в вашем городе и в вашем театре. Но я нисколько не сомневаюсь, что вы актер. Я это сразу поняла, как только вы дверь открыли.

В е н и а м и н. Неужели? Как это мило!

К с е н и я. Честное слово. В актерах есть что-то особенное, что отличает их от других людей. Я только удивилась, что вы тут один репетируете. Без режиссера, без партнеров. Пожалуйста, не сердитесь.

В е н и а м и н *(сникает)*. Да ладно. Это я так. Глупо погорячился. Самолюбие, знаешь ли. Грешок всех творческих личнос-

тей... Ну да, один репетирую. Ночью. Спектаклей много, вот в чем все дело. Днем сцена постоянно занята. Репетирую вот... Финальный монолог. Без режиссера. Режиссер мне доверяет. Он мне прямо так и сказал: «Метелкин, я тебе доверяю. Как сделаешь монолог — так оно и будет».

К с е н и я. Значит, он вас очень ценит.

В е н и а м и н. Еще бы. Как-никак на мне держится полрепертуара. *(С подозрением.)* Не веришь?

К с е н и я. Ой! Неужели это вы?

В е н и а м и н. Что — я?

К с е н и я. Николай Николаевич мне рассказывал об одном своем актере, на котором держится полрепертуара. Только фамилию почему-то не назвал.

В е н и а м и н. Николай Николаевич — он такой. Никому моей фамилии не называет. Смешно — боится: будет много обо мне болтать, так меня какой-нибудь театр обязательно переманит.

К с е н и я. Я вас совсем иначе представляла.

В е н и а м и н. А я — вот он. Прошу любить и жаловать. Как поет Высоцкий, «прими таким, как есть, не буду больше петь».

К с е н и я. А этот финальный монолог, который вы репетируете... Из какой он пьесы?

В е н и а м и н. Из какой пьесы? Ну, эта вещь еще никому не известна. Она еще нигде не опубликована. Дебют одного молодого автора.

К с е н и я. А как его фамилия?

В е н и а м и н. Фамилия тебе ни о чем не скажет. Все равно что Петров или Сидоров. Так что рановато ее называть. Сама посуди — я сейчас назову, а пьесу потом нигде не напечатают. Сглажу парня, понимаешь? А не хотелось бы. Хоть и молод, но очень талантлив.

К с е н и я. Понимаю. Моя мама тоже суеверная. Увидит черную кошку или человека с пустым ведром — чуть не плачет. Нервы у нее. Сейчас она в санатории вместе с Аркадием Николаевичем. Лечится.

В е н и а м и н. А кто это — Аркадий Николаевич?

К с е н и я. Мой отчим, Аркадий Николаевич Званцев. Родной брат дяди Коли.

В е н и а м и н. А, вот оно что. Стало быть, ты приехала в гости к родственнику дяде Коле. Нашему главному режиссеру.

К с е н и я. Кстати, надо мне ему позвонить. *(Снимает трубку, по которой вначале говорил Метелкин.)* Вдруг он уже пришел.

В е н и а м и н. Ничего у тебя не выйдет.
К с е н и я. Почему? *(Прислушивается к трубке.)* Тишина. Отключен, да? *(Тянет за провод и вытаскивает из-за стола оборванный конечный.)* Что это?

В е н и а м и н. Это ненастоящий телефон. Бутафорский. Для спектаклей.

К с е н и я. А настоящего нет?

В е н и а м и н. Настоящий там, в вестибюле. Но отсюда не пройдешь, заперто.

К с е н и я. Как жаль.

В е н и а м и н. Если ты уже согрелась, мы сейчас сходим к автомату. Негоже тебе оставаться здесь на ночь. Да и мне пора репетировать.

К с е н и я *(робко)*. А если дяди Коли еще нет... Можно мне посмотреть репетицию? Я буду сидеть тихо как мышка.

В е н и а м и н. О нет. Этого я не люблю. Незаконченная, знаешь ли, сцена...

К с е н и я. Ну точно. Так о вас дядя Коля и говорил. Вы никогда никого не пускаете на свои репетиции.

В е н и а м и н. Да. Тут уж ничего не поделаешь.

К с е н и я. А о чем пьеса, вы можете сказать?

В е н и а м и н. О чем? Трудно так, в двух словах. В общем, об одном человеке. Так себе был человек. Жил, жил и умер.

К с е н и я. Печально.

В е н и а м и н. Да нет. Не особенно. Человек-то был неважный. Вернее, все его таким считали. В конце концов он таким и стал... Послушай-ка, девочка. Пойдем позвоним твоему дяде Коле. Тебе пора отдохнуть с дороги как следует, а мне — приниматься за работу.

К с е н и я *(обнаружив веревку с петлей)*. Что это?

В е н и а м и н. Не трогай.

К с е н и я. Но это...

В е н и а м и н. Ну?

К с е н и я. Это веревка с петлей.

В е н и а м и н. Поразительно. Ты угадала. *(Смотрит на часы.)* Половина одиннадцатого. Идем к автомату.

К с е н и я. Нет.

В е н и а м и н. В каком смысле — нет?

К с е н и я. Я не согрелась. Я не хочу опять под дождь. Можно я еще немного посижу?

В е н и а м и н *(подумав)*. Ладно. Сиди, а я схожу к автомату. Давай номер.

Берет бумажку с номером, уходит. Оставшись одна, Ксения берет в руки веревку, рассматривает ее. Затем, не выпуская из рук веревки, идет на

сцену, внимательно ее исследует. Достает старую шляпу, вертит ее в руках... Вскоре возвращается Вениамин. Он сердит.

В е н и а м и н. Что за несерьезные люди эти главные режиссеры! Вечно где-то шляются по ночам, в то время как их актеры самостоятельно пашут над своими ролями.

К с е н и я. Да, дядя Коля не любит сидеть дома по вечерам. Иногда и до утра не приходит.

В е н и а м и н. А главное — сколько при этом радости в голосе! *(Нервничает.)* Мне надо работать. Но я не могу при посторонних. Зачем ты взяла веревку? Я же сказал — не трогать. Это реквизит.

К с е н и я. Реквизит?

В е н и а м и н. Именно! Реквизит. Ты знаешь, что это такое?

К с е н и я. Еще бы.

В е н и а м и н. Тогда положи, где взяла.

К с е н и я. Это реквизит из той пьесы, которую вы репетируете?

В е н и а м и н. А тебе в школе не объясняли, что нельзя быть такой любопытной?

К с е н и я. Пожалуйста, расскажите, Вениамин... Как вас по отчеству?

В е н и а м и н. Иннокентьевич. Вениамин Иннокентьевич. Ужасно звучит, правда?

К с е н и я. Не ужасно, просто трудно выговаривать.

В е н и а м и н. Поэтому я предпочитаю, чтобы меня называли по фамилии — Метелкин.

К с е н и я. И мне вас так же называть?

В е н и а м и н. Сделай одолжение.

К с е н и я. Хорошо. Пожалуйста, Метелкин, расскажите немножко про эту пьесу.

В е н и а м и н. О господи. Я уже рассказывал тебе. Жил-был неудачник. Дожил до сорока и понял, что ничего больше не будет. В довершение от него ушла любимая женщина. И он повесился. Интересно?

К с е н и я. А в чем смысл?

В е н и а м и н. Смысл? Да, действительно. «В чем смысл?» — задал он себе вопрос. И, так и не найдя ответа, набросил себе петлю на шею.

К с е н и я. А о чем он говорит в финальном монологе?

В е н и а м и н. Он звонит по телефону своей возлюбленной и болтает с ней о пустяках. О погоде, поездах, чемоданах и так далее. Потом кладет трубку и вяжет из веревки петлю. И вешается в то мгновение, когда поезд с любимой отходит от вокзала.

К с е н и я. Странная пьеса.

В е н и а м и н. Странная? По-моему, просто бездарная.

К с е н и я. Вы же говорили — автор очень талантлив.

В е н и а м и н. Автор-то талантлив. А вот пьеса бездарная. Так тоже бывает. Ну, у тебя закончились вопросы?

К с е н и я. А правда, что вас даже дирекция боится?

В е н и а м и н. А как же. Дирекция как завидит меня издали — так сразу улепетывает со всех ног.

К с е н и я. А правда, что вы сами выбираете себе партнеров на роли?

В е н и а м и н. Конечно. Произвожу жесткий отбор.

К с е н и я. И что вам очень трудно угодить?

В е н и а м и н. Угодить мне вообще невозможно. Потому и репетирую в одиночку. Все или нет?

К с е н и я. Я почему-то так испугалась, когда увидела веревку.

В е н и а м и н. Она не кусается. Она мирная, домашняя. Пойду-ка я еще раз позвоню дяде Коле. Или вместе пойдем?

К с е н и я. Метелкин, что с вами?

В е н и а м и н. А что со мной? Что ты имеешь в виду?

К с е н и я. Вы сейчас посмотрели на меня жалобно. Как будто вы больны или чем-то напуганы.

В е н и а м и н. Вот что, у меня нет времени выслушивать твои фантазии. Надей плащ и иди за мной.

К с е н и я. Вы сейчас посмотрели на меня, как мой братишка, когда его увозили в больницу с аппендицитом. Ему было два года. Он ничего не понимал от боли и страха. Он вообще ничего не понимал. Только смотрел на нас с изумлением.

В е н и а м и н. Послушай, родственница режиссера дяди Коли. Я бы с удовольствием продолжил нашу приятную беседу о веревке, пьесе и аппендиците. Но уже ночь, а мне предстоит финальная сцена. Вряд ли ты можешь это понять, но на объяснения времени нет. Я не намерен страдать из-за того, что отменили дневной поезд! Что ты приехала в гости к человеку, который не любит сидеть дома по вечерам, как все порядочные люди!

К с е н и я. И вовсе не в гости я приехала. Я буду играть в вашем театре.

В е н и а м и н. Ты?

К с е н и я. Да, я!

В е н и а м и н. А сколько тебе лет?

К с е н и я. Двадцать один.

В е н и а м и н. Я думал — от силы шестнадцать.

К с е н и я. Я просто так выгляжу.

В е н и а м и н. А как же... (*Спыхватывается.*)

К с е н и я. Моя нога? Вы хотите спросить — как я буду играть, если я хромая?

В е н и а м и н. В общем, да.

К с е н и я. Очень просто, Метелкин. Я буду играть в спектакле «Хромоножка». Могли бы и догадаться.

В е н и а м и н. В каком спектакле?

К с е н и я. Вы не знаете, что в театре собираются ставить «Хромоножку»?

В е н и а м и н. Представь себе — нет.

К с е н и я. Значит, вам не сказали...

В е н и а м и н. Не сказали.

К с е н и я. Это мой первый и последний шанс попасть на сцену. Я ведь закончила три курса театрального института. Звезд с неба не хватало, но, говорят, были способности. Потом — эта операция. И все. Конец надеждам. Сначала я хотела умереть. А потом жизнь как-то сама собой продолжилась. И как только я снова научилась ей радоваться, приехал дядя Коля, рассказал о «Хромоножке» и дал мне пьесу. Я читала ее и плакала от счастья. Такая красивая сказка!

В е н и а м и н. Сказка для детей?

К с е н и я. Да, но она и для взрослых тоже. Автор — венгр, Иштван Хиди*.

В е н и а м и н. Не слышал.

К с е н и я. Дядя Коля где-то ее нашел. Сказал, что в театре давно не ставили сказок. Предложил мне приехать и попробовать. Это ведь единственное, что я могу сыграть. Зрители не догадаются, что я хромою не по роли, а на самом деле.

В е н и а м и н. Все это хорошо. Я очень рад за тебя. Но мы с тобой поговорим в другой раз, ладно? Теперь мы будем играть в одном театре, будем видаться. А сейчас я не могу.

К с е н и я. С вами и правда все в порядке?

В е н и а м и н. Правда. И не надо ничего выдумывать. Аппендицит мне давно и благополучно вырезали, как и твоему братишке.

К с е н и я (*тихо*). Нет. Он умер от перитонита. Было слишком поздно.

В е н и а м и н. Господи. Это ужасно.

К с е н и я. Поэтому меня так напугали ваши глаза, Метелкин. Мне показалось —

* Иштван Хиди и пьеса «Хромоножка» — вымысел. Все возможные совпадения случайны. — Прим. автора.

я узнала этот взгляд. *(Берет плащ и чемодан.)* Не провожайте меня, я возьму такси. Если дяди Коли все еще нет, попрошусь подождать у соседней. Мне следовало сразу так сделать, но очень уж хотелось взглянуть на театр. До свидания. *(Идет к двери.)*

В е н и а м и н. Ксения.

К с е н и я. Что?

В е н и а м и н. Да, собственно, ничего... Ты уж извини, если я был груб.

К с е н и я. Ну что вы, я понимаю. У вас финальная сцена, а тут я.

В е н и а м и н *(сильно волнуясь)*. У тебя обязательно получится роль. Я в этом не сомневаюсь.

К с е н и я. Спасибо. Только еще неизвестно, состоится ли спектакль.

В е н и а м и н. Да что ты! Непременно состоится. Дядя Коля — главный режиссер театра.

К с е н и я *(решается)*. Все зависит от вас, Метелкин.

В е н и а м и н *(опешил)*. От меня?

К с е н и я. Когда дядя Коля рассказывал о вас... О человеке, на котором держится полрепертуара... Он сразу меня предупредил, что самое трудное будет — уговорить вас.

В е н и а м и н. Уговорить на что?

К с е н и я. Сыграть в «Хромоножке» роль Короля.

В е н и а м и н. О боже. Еще не легче.

К с е н и я. Дядя Коля сказал — именно так вы и ответите. «Еще не легче».

В е н и а м и н. Что, в театре других актеров мало?

К с е н и я. Видите ли, «Хромоножка» — внеплановый спектакль. Сметой на него денег не предусмотрено. Комитет согласен выделить средства, но только в одном случае — если там будете участвовать вы.

В е н и а м и н *(взрывается)*. Что за идиотство! Почему именно я? У меня... У меня и так ролей хватает. Торчу тут через ночь! Кому пришла в голову эта ослиная мысль? Почему она пришла?

К с е н и я *(грустно)*. Наверное, потому что вы заслуженный. Все спектакли с вашим участием — престижные, кассовые. Дядя Коля говорил, о вас какой-то критик писал, очень известный. Называл вас «человеком театра».

В е н и а м и н. Уж эти мне критики.

К с е н и я. «Человек театра» — это куда больше, чем актер. Это не профессия, это состояние души.

В е н и а м и н. Безумие какое-то.

К с е н и я. Я вам всю правду скажу.

Дядя Коля специально не стал вам ничего говорить заранее, до моего приезда. Хотел вас разжалобить мной и моей грустной историей. Унизительно, да?

В е н и а м и н. Достаточно. Я не намерен это обсуждать. Пожалуйста, уйди и оставь меня одного.

К с е н и я. До свидания. *(Идет к двери.)*

В е н и а м и н. Стой.

К с е н и я. Что?

В е н и а м и н. Ничего. Иди сюда. Сядь.

К с е н и я. Зачем?

В е н и а м и н. Я сказал, сядь.

Ксения ставит чемодан, возвращается, садится на стул.

В е н и а м и н. Понимаешь, Ксения, какое дело. Папа мой был человеком с большим чувством юмора. Раздумывая, какое дать сыну имя, если фамилия его — Метелкин, он остановился на Вениамине. Дома, а потом и в школе меня все называли Веником. Веник Метелкин. Как ты считаешь, это смешно?

К с е н и я *(виновато)*. По-моему, да.

В е н и а м и н. По-моему, тоже. В детстве меня беспощадно дразнили, и я часто плакал. До меня не доходило великое значение смешного. Если бы я смог понять, какое это благо — быть смешным!

К с е н и я. А моя фамилия — Крук.

В е н и а м и н. Круг? «Г» на конце?

К с е н и я. Нет, «ка».

В е н и а м и н. А что означает «крук»?

К с е н и я. Никто не знает. *(Улыбнулась.)* Про меня в институте стишки писали.

Надоел событий круг?

Посмотри на Ксению Крук.

Ты немедленно оценишь

Пышность форм своих подруг.

В е н и а м и н. Черт знает что.

К с е н и я. Просто я была самая худая на курсе. У нас вообще все студентки условно делились на четыре группы по ампула. Первые — красавицы, видные и крупные. Вторые — аленушки, не такие крупные, но миленькие и нежненькие. Третьи — травести, озорные мальчишки. И четвертые — страшилки.

В е н и а м и н. И к какой же группе отнесли тебя?

К с е н и я. Конечно, не к первой и не ко второй. Мой преподаватель по актерскому мастерству мне говорил, что для травести во мне мало живости и энергии. Со-

ветовал мне готовить себя на роли, предназначенные для страшилок. Но я несколько не огорчалась. Пусть бы надо мной смеялись. Лишь бы играть...

В е н и а м и н. Да. Всякий смех исключает горе. Человек, исключаящий горе, — вот наивысшее его предназначение. Если бы я это только мог понять. Но нет. У меня появилась противоположная цель — перестать быть смешным. Роковая ошибка.

К с е н и я. Я вас не понимаю.

В е н и а м и н. И не надо. Что-либо понимать поздно. (*Смотрит на часы.*) Уже одиннадцать. Как летит время.

К с е н и я. Я пойду?

В е н и а м и н (*лихорадочно*). Нет. Пожалуйста, побудь еще чуть-чуть.

К с е н и я. А как же ваша репетиция?

В е н и а м и н. Ничего. Я успею. Расскажи мне о «Хромоножке». Говоришь, красивая сказка?

К с е н и я. Очень красивая и нежная. Главный герой — Король одного бедного королевства, а Хромоножка — его дочь. Они узнают, что очень далеко, за самой высокой в мире горой растет цветок, который излечивает хромоту. Они туда отправляются, и в пути с ними происходят всяческие приключения.

В е н и а м и н. Ну? Находят они цветок? Хромоножка излечивается?

К с е н и я. Если бы финал был таким, мне бы эту роль никогда не сыграть. Мне пришлось бы прыгать и танцевать, чтобы все увидели мое выздоровление.

В е н и а м и н. Какой я дурак. Не догадался. Но ведь сказка не должна заканчиваться плохо. Дети этого не простят.

К с е н и я. Она заканчивается очень хорошо. Путь к цветку лежит через самую высокую в мире гору. Это тоненькая тропа, по которой может пройти только один человек. Причем пройти так, чтобы не задеть ни одного муравья, ни одной травинки — ничего живого. Потому что если причинишь хоть кому-то вред, цветок теряет свою целебную силу.

В е н и а м и н. Ничего себе задание.

К с е н и я. Да, очень сложное. Никому еще не удавалось преодолеть этот путь. Но Король все равно берет Хромоножку на руки и поднимается вверх по горе.

В е н и а м и н (*после паузы*). На этом заканчивается сказка?

К с е н и я. Да. Они исчезают в облаках. Остается надежда.

В е н и а м и н. В тексте так и написа-

но — «исчезают в облаках»? Это авторская ремарка?

К с е н и я. Да.

В е н и а м и н (*мрачно*). Тогда ты просто не поняла смысл. Это образное выражение. Они погибают. (*С иронией*.) Уходят в иной, лучший мир.

К с е н и я. Смешной вы, Метелкин. Да какая разница?

В е н и а м и н. Что значит — какая разница? Большая.

К с е н и я. Вы хотите все разложить по полочкам. А зачем? Лучше представьте себе этот финал — тропинка в гору, вся в облаках, залитых солнцем. И дивная музыка. Разве это не красиво?

В е н и а м и н. Ну, в общем... Получше, конечно, чем веревка на шее.

К с е н и я (*волнуясь*). Вы ведь будете играть в «Хромоножке», правда? Вы очень-очень заняты, я знаю. Но этот спектакль...

В е н и а м и н. Хватит. Не надо. (*Смотрит на часы.*) Двенадцатый час.

К с е н и я. Мне уйти?

В е н и а м и н. Иди. Конечно, что тебе тут сидеть. Наверное, дядя Коля вернулся.

К с е н и я. Мне не хочется уходить.

В е н и а м и н. Почему?

К с е н и я (*искренне*). Не знаю.

В е н и а м и н. Нелепость какая-то.

К с е н и я. Я побуду еще?

В е н и а м и н. Побудь. Только недолго.

Пауза.

К с е н и я. А где будет висеть веревка?

В е н и а м и н. Что?

К с е н и я. Веревка на вашей финальной сцене. Куда вы ее повесите?

В е н и а м и н. В самом деле. Куда я ее повешу? Еще не решил.

Пауза.

В е н и а м и н. Не может быть, чтобы не нашлось спонсоров дать денег на спектакль. Чепуха! Дядя Коля — мужик пробивной. Обязательно что-нибудь придумает.

К с е н и я. Он уже пытался.

В е н и а м и н. Значит, плохо пытался.

К с е н и я. Наверное, плохо.

Пауза.

В е н и а м и н. Ты голодная?

К с е н и я. Да.

В е н и а м и н. А мне вот... и угостить тебя нечем.

К с е н и я. У меня есть остатки пирога с капустой. Хотите?

В е н и а м и н. Хочу.

*Ксения достаёт пирог. Молча едят.
Неловкая пауза.*

В е н и а м и н (смущенно). Надо бы чем-то запить.

К с е н и я. У меня в термосе остался чай. (Достаёт термос.)

В е н и а м и н. Спасибо. Вкусный пирог. Сама стряпала?

К с е н и я. Нет. Соседка по купе угостила.

Пауза.

В е н и а м и н. Рассказывай что-нибудь. Не молчи.

К с е н и я. А что рассказывать?

В е н и а м и н. Все равно. Что хочешь.

К с е н и я. Я могу дальше про «Хромоножку».

В е н и а м и н. С ней все ясно. Они поднялись по горе, утонули в солнечном свете и очутились в раю.

К с е н и я. Но до этого с ними было много забавных приключений.

В е н и а м и н. Неужели?

К с е н и я. Да. Сначала они попали в плен к носорогам, которые хотели сварить их в котле.

В е н и а м и н. Это ты называешь забавным приключением?

К с е н и я. Потом предводитель носорогов и папа-Король подружились.

В е н и а м и н. На почве общих интересов?

К с е н и я (не замечая иронии). Папа-Король был прекрасным кулинаром. Он испек торт и угостил им предводителя носорогов. И тот решил никогда больше не есть людей.

В е н и а м и н. Перевоспитался, значит. Сделал шаг вперед в культурном развитии.

К с е н и я. Да. А потом папа-Король и Хромоножка познакомились с одним мудрым и грустным крабом.

В е н и а м и н. Почему грустным?

К с е н и я. Он так много знал о жизни, что чувствовал себя несчастным.

В е н и а м и н. В общем, горе от ума.

К с е н и я. Этот краб был ужасно одиноким.

В е н и а м и н. Удел всех мудрецов.

К с е н и я. Знаете, о чем он мечтал? Совершить какую-нибудь глупость. Или

безрассудный поступок. Однажды крабу захотелось добраться до гнезда аистов, чтобы взглянуть на аистят. Он полез по дереву, из последних сил вскарабкался на верхушку и увидел, как взрослый аист чистит клювом перышки своих малышек. Потом краб сорвался и упал с дерева.

В е н и а м и н. И разбился?

К с е н и я. Нет. Он лежал со сломанными шупальцами и очень счастливый.

В е н и а м и н (неожиданно). У тебя есть кто-нибудь?

К с е н и я. В каком смысле?

В е н и а м и н. Ну, в смысле... друг.

К с е н и я. Есть. Андрей Смольников, одноклассник.

В е н и а м и н. Он к тебе хорошо относится?

К с е н и я. Очень хорошо. Мы давно дружим. У нас нет никаких тайн друг от друга.

В е н и а м и н. Это замечательно.

К с е н и я. Он мне даже доверяет свои сердечные переживания. Один раз он поссорился с девочкой — и сразу ко мне пришел. Я его утешала.

В е н и а м и н. О господи. Ладно. Рассказывай дальше про Хромоножку.

К с е н и я. Дальше Хромоножка влюбилась.

В е н и а м и н. Ясно. Так и знал. Что за сказка без любви? Он, конечно, был прекрасным принцем на белой лошади?

К с е н и я. Нет. Он был слепым скульптором.

В е н и а м и н. Слепым скульптором?

К с е н и я. Он лепил фигурки на ощупь. Все воспринимал через пальцы рук. Например, гладил кошку, ее спинку, ушки, нос. Ощущал кожей ее настроение по дыханию, подергиванию усов и хвоста. И по этому ощущению создавал произведение искусства.

В е н и а м и н. Не знаю, что и сказать.

К с е н и я. Его скульптуры не отличались внешним сходством с оригиналами. Но в них было то истинное, что всегда скрыто за оболочкой.

В е н и а м и н. Это была взаимная любовь?

К с е н и я. Да. Но они так и не осмелились признаться друг другу в своих чувствах.

В е н и а м и н. Новая новость. В этой сказке одно приключение забавнее другого. Почему же они не осмелились?

К с е н и я. Каждый думал, что не достоин любимого человека. Оба ведь были увечны, а это поселяет в людях неуверенность в себе.

В е н и а м и н. А папа куда смотрел?

Мог бы и подсказать детям что к чему. Видно, он только и был способен, что пить на брудершафт с носорогами.

К с е н и я. Когда Король и Хромоножка снова двинулись в путь, слепой скульптор вылепил фигурку своей возлюбленной, хотя, конечно, не видел ее и даже ни разу не коснулся ее руки.

В е н и а м и н. И что это получилась за фигурка?

К с е н и я. Цветок. Хрупкий цветок на тоненьком стебельке.

Пауза.

К с е н и я. Что с вами, Метелкин? Вы плачете?

В е н и а м и н. Нет. Что за глупости? *(Смотрит на часы.)* Половина двенадцатого.

К с е н и я. Знаете, мои мама и папа поженились очень юными. Они оба были романтиками и пообещали друг другу умереть в один день. Папа погиб, когда мне было пять лет. Он тогда еще учился, заканчивал педагогический институт, а по ночам подрабатывал сторожем в детском доме. В одну из ночей случился пожар. Взрослые выносили из дома детей, пока не начали рушиться горящие балки. Папе не повезло. *(После паузы.)* Мне не рассказывали подробностей. Но я так хорошо представляю, как он суетился, как нес ребятишек, заслонял их от огня и дыма. *(Помолчав.)* Мама не умерла вместе с ним, осталась из-за меня. Семь лет мы жили с ней вдвоем. А когда мне исполнилось двенадцать, мама вышла замуж за Аркадия Николаевича. Потом родился Вадик... Мама теперь считает — она наказана за то, что не ушла вместе с папой. И смерть Вадика, и моя хромота...

В е н и а м и н. Отчим тебя не обижает?

К с е н и я. Ну что вы, он добрый. Но с тех пор, как умер Вадик, раз или два в месяц Аркадий Николаевич закрывается на кухне, напивается и хриплым голосом поет песни. В такие минуты к нему лучше не подходить.

В е н и а м и н. А отца ты хорошо помнишь?

К с е н и я. Нет, очень смутно. Когда я думаю о нем, я первым делом вспоминаю спящего тигренка. Мы были с папой в зоопарке, и там в одной из клеток спал тигренок. У него был мокрый, блестящий нос, и еще он подрагивал ушами. Наверное, ему снились джунгли. Странно — тигренка я помню очень отчетливо, а папу — нет.

В е н и а м и н. Чертова жизнь.

К с е н и я. Я вас совсем расстроила, Метелкин. Лучше я расскажу, как Король и Хромоножка попали в царство Смехунчиков.

В е н и а м и н. Да. Уж лучше про Смехунчиков.

К с е н и я. Смехунчики — это такие хрупкие, светлые существа, похожие на людей. Но им не нужна еда — они питаются только смехом. Чтобы жить, им непрерывно нужно смеяться. В их царстве смех в виде легкого, прозрачного тумана парит над землей, переходит от одного Смехунчика к другому наподобие веселящего газа.

В е н и а м и н. Они не только не едят, но и не спят? И целыми сутками хохочут?

К с е н и я. Почему же, они спят и улыбаются во сне. Им снятся смешные сны.

В е н и а м и н. Вот это, я понимаю, жизнь. Плой на все и смейся с утра до ночи. Где они, хотелось бы знать, берут поводы для смеха?

К с е н и я. Это для Смехунчиков не проблема. На самые обыкновенные вещи они смотрят через призму смешного. Будто шепка, камешек, муравей на дереве, лягушка, дремлющая на солнце, или просто пенек.

В е н и а м и н. Интересно, что смешного можно найти в пенке?

К с е н и я. Не так уж это сложно, Метелкин. Возьмите и представьте себе пенек.

В е н и а м и н. Ну, представил.

К с е н и я. Совсем не смешно?

В е н и а м и н. Нисколько. Скорее, наоборот. Было дерево, а его взяли и спилили на дрова. Остался пенек. Над чем тут смеяться? *(Задумался и вдруг улыбнулся.)* Во всех пенках есть что-то вызывающе-укоризненное. Дескать, да, я пенек. Торчу тут назло всем вам и буду торчать дальше. Никуда не денусь. А если вы на меня усядетесь, воткну вам занозу в мягкое место, и поделом.

К с е н и я. А вот, например, стул.

В е н и а м и н. Стул как стул. Обыкновенный. Заноз в нем нет. Есть абсолютное равнодушие ко всему на свете. Гордое на все наплеватьство. А я вот знаю, что с другой стороны сиденья в уголке прилеплена жвачка. Я сам ее прилепил.

К с е н и я. Зачем?

В е н и а м и н. Да низачем. Просто мусорное ведро было далеко. Эту страшную тайну знали только я и стул. А теперь еще знаешь ты.

К с е н и я. А вот театральный фонарь. Он называется «лягушка». Он и правда похож на лягушку.

В е н и а м и н (*уже с трудом сдерживая смех*). На ту самую, которая дремлет на солнце в царстве Смехунчиков.

К с е н и я (*смеясь*). Они совсем ничего не знают друг о друге.

В е н и а м и н. И самое печальное — никогда не узнают.

К с е н и я. Две лягушки никогда не узнают друг о друге!

В е н и а м и н (*уже не сдерживаясь*). Как много в этом мире несовершенного!

К с е н и я. Теперь взгляды повнимательнее в этот пиджак.

В е н и а м и н. Вот пиджака попрошу не касаться. Это старый, заслуженный пиджак. Он многое повидал. Придаться тут не к чему. Все пуговицы на месте. И чистый, между прочим.

К с е н и я (*давясь от смеха*). Старый, заслуженный пиджак!

В е н и а м и н. Да! И что тут смешного?

К с е н и я. И при этом чистый!

В е н и а м и н. И с пуговицами!

Оба хохочут.

К с е н и я. А что вы скажете об этой шляпе?

В е н и а м и н. Об этой шляпе говорить нечего. Желтая фетровая шляпа. Пожалуй, ничего в ней смешного нет. Кроме цвета.

К с е н и я. Почему?

В е н и а м и н. Ну, посуды сама. Ладно бы она была синей или зеленой. В крайнем случае — красной. Но быть желтой фетровой шляпой — что за нелепая судьба?

Хохочут безудержно, до слез.

В е н и а м и н (*переставая смеяться*). Так. Стадия шизофреническая, необратимая. (*Смотрит на часы.*) Наверное, из царства Смехунчиков Король и Хромоножка прямоком угодили в сумасшедший дом.

К с е н и я. Нет. Они просто посмеялись и пошли дальше. Вскоре путь им преградила река, через которую был перекинут очень вредный мост.

В е н и а м и н (*он уже мрачен*). Что это значит — вредный мост?

К с е н и я. Это значит, что две его половинки сходились и расходились, когда ему вздумается. В общем, он так развлекался. На этот раз мост пропустил папу-Короля на левый берег, половинки тут же разошлись, оставив Хромоножку на правом.

В е н и а м и н (*вдруг рассердился*). Дурацкое развлечение. Убивал бы за такое на месте.

К с е н и я. Это же мост. Как его убьешь?

В е н и а м и н. Ну, разрубил бы его на куски ко всем чертям!

К с е н и я. Тогда уже никто и никогда не перешел бы через эту реку.

В е н и а м и н. Ерунда! Есть много других способов.

К с е н и я. Сначала Король и Хромоножка растерялись. Они стояли каждый на своем берегу и перекрикивались.

В е н и а м и н. Понятно. Держали военный совет.

К с е н и я. Давайте попробуем сыграть этот эпизодик. (*Жалобно.*) Это мое любимое место в сказке.

В е н и а м и н. Надеюсь, это шутка?

К с е н и я. Пожалуйста, Метелкин!

В е н и а м и н. Бред какой-то. Ничего я играть не собираюсь. Ни сейчас, ни потом.

К с е н и я. Это же вас ни к чему не обязывает. Просто — подыграйте мне.

В е н и а м и н. Да я слов не знаю!

К с е н и я. И не надо. Дядя Коля говорил — вы гений импровизации.

В е н и а м и н. Кстати, о дяде Коле. Не пора ли пойти ему позвонить?

К с е н и я. Ну, что вам стоит побыть пять минут папой-Королем?

В е н и а м и н. Уж лучше я побуду предводителем носорогов.

К с е н и я. Пять минут — и я сразу отстану!

В е н и а м и н. Последний аргумент меня убедил. Итак, что я должен говорить?

К с е н и я. Слушайте меня и отвечайте — больше ничего.

В е н и а м и н. Полный маразм.

К с е н и я (*отходит в другой конец сцены, начинает играть*). Мост всерьез заупрямился, папа. Надо что-то придумать, иначе мы никогда не дойдем до цветка.

В е н и а м и н (*мрачно подыгрывает*). Чихать нам на мост. Плыви сюда, ко мне, а я тебя встречу.

К с е н и я. Не получится, папа. Моя нога...

В е н и а м и н. Ах, да, забыл. Ну, значит, я поплыву, к тебе и перенесу тебя на руках.

К с е н и я. Нет, папа. Река слишком глубока.

В е н и а м и н. Тогда я сделаю плот и перевезу тебя на нем.

К с е н и я. Разве ты не видишь, какое

здесь течение? Плот отнесет неведомо куда, и мы навсегда потеряем дорогу к цветку.

В е н и а м и н. Получается, у нас нет выхода?

К с е н и я. Есть. Нельзя чихать на мост. Надо с ним поговорить и все ему объяснить. Он должен понять.

В е н и а м и н. Ни черта он не поймет. Он мост! У него нет сердца.

К с е н и я. Да. Но это единственный выход, папа.

В е н и а м и н (кричит). Эй, ты, деревянное недоразумение! Немедленно, слышишь, немедленно соединяй свои глупые, вредные половинки и дай перейти на этот берег моей дочери! Ты тут развлекаешься, бездельник, а нам еще идти неизвестно сколько! Поищи других жертв для своих забав, а нас оставь в покое!

К с е н и я. Не оскорбляй его, папа! Ты ничего этим не добьешься!

В е н и а м и н. Что же мне, унижаться перед ним?

К с е н и я. Да.

В е н и а м и н. Может, еще на колени встать?

К с е н и я. Да, папа! Да!

В е н и а м и н. Сумасшествие. *(Становится на колени. После паузы.)* Послушай меня, мост. Пожалуйста, верни мне мою девочку, мою Хромоножку. Ничего у меня в жизни больше нет. Только она и мое нищее королевство. Нам надо идти, понимаешь? Я не знаю, дойдем ли мы. Я только знаю, что надо идти. Ты мост. У тебя нет сердца. По тебе идут чужие люди, и ты играешь с ними в злые игры. Я понимаю — это от пустого существования. Мне жаль тебя. Знаешь почему? Потому что я сам очень долго был мостом. Через меня тоже переходили чужие люди. Переходили и шли дальше. Некоторые задерживались, но ненадолго. Некоторых я задерживал сам, но вскоре отпускал. Это была моя жизнь. Но теперь у меня есть моя Хромоножка, и я больше не хочу быть мостом. Я хочу, чтобы она поправилась и смогла плыть через эту реку. Я хочу, чтобы она смеялась над шляпой, пеньком и лягушкой. Я хочу, чтобы она вышла замуж за слепого скульптора. Я хочу найти для нее этот цветок, и будь я проклят, если не найду его...

Ксения молчит, потрясенно смотрит на него.

Пауза.

В е н и а м и н. Уже пять минут первого. Пойдем-ка, я посажу тебя на такси. А вначале позвоним дяде Коле.

К с е н и я. Метелкин, вы сыграете эту роль?

В е н и а м и н. Нет. Забудь об этом.

К с е н и я. Мне показалось...

В е н и а м и н (перебивает). Тебе показалось. Очень жаль, но у меня действительно другие планы. Идем, тебе пора.

К с е н и я. Все зависит от вас.

В е н и а м и н. Ничего от меня не зависит. Надевай плащ. Интересно, идет ли еще дождь?

Ксения не двигается, молча смотрит на него.

В е н и а м и н. Где мой смехотворный пиджак? Вот он. Или лучше накинуть куртку, как думаешь?

Ксения молчит.

В е н и а м и н. Ладно, неважно. Пойду в пиджаке. У тебя есть монетки для автомата? У меня что-то звенит в кармане. Почему ты не надеваешь плащ?

К с е н и я. Метелкин, вы сыграете эту роль?

В е н и а м и н (взрываясь). Нет! Я уже ответил тебе, что нет! Зачем ты опять спрашиваешь? До тебя доходит так же медленно, как до моста? В таком случае повторяю еще раз — я не буду играть эту роль! С меня хватит бездарной пьесы с веревкой в финале! Ясно? А теперь идем!

К с е н и я. Дядя Коля мне говорил, какой вы надменный и заносчивый. Но это еще полбеды. У вас просто нет сердца, как у моста! Вы хороший актер, в этом я убедилась. Но критик ошибся — вы не человек театра! Вы никогда не станете человеком театра!

В е н и а м и н. Да. Вот это в точку. Я не человек театра. И никогда им не стану.

К с е н и я (подавленно). Простите, Метелкин. Я не имела права на вас кричать.

В е н и а м и н. Имела. Я тебя обманул. Я не актер. Никакого отношения к театру не имею. Про Николая Николаевича Званцева слышу впервые.

К с е н и я (растерянно). Это неправда. Зачем вы меня разыгрываете?

В е н и а м и н. Да нет. Это вначале я тебя разыграл. Так что радуйся. Не от меня зависит, состоится ли твоя «Хромоножка», а от настоящего Человека театра, на котором держится полреспублики. Я уверен, он разжалобится и согласится.

К с е н и я (с ужасом). Неправда. Зачем вы так жестоко шутите? Конечно, это вы. Я вас узнала по словам дяди Коли.

В е н и а м и н. Вот как? А фамилию он тебе называл?

К с е н и я. Нет, но...

В е н и а м и н. Что «но»? И как ты вообще могла вообразить, что ведущего актера театра зовут Веником Метелкиным? Так могут звать только дворника в ЖЭКе!

К с е н и я. Неправда... Это же театр, сцена... Вы же тут репетировали...

В е н и а м и н. Ты ошиблась в темноте, девочка. Театр — следующее здание. Там дверь с высоким крыльцом. Черный ход.

К с е н и я. Нет. Я не верю. Этого не может быть!

В е н и а м и н (*кричит*). Да ты взглядишь, взглядишь хорошенько! Похоже, что перед тобой театр? Весь этот хлам, тюки с барахлом, изъеденным молью, разбитые фонари, изрезанные кресла, на которые уже сто лет никто не садился, вся эта вековая пыль — это что, похоже на театр?

К с е н и я (*плетясь от него*). Где я?

В е н и а м и н. Давным-давно тут действительно играли спектакли, пока не построили соседнее большое здание. А из этого помещения сделали склад для всякой театральной утвари. Но скоро эту рухлядь вынесут на помойку, а площадь сдадут в аренду под кафе.

К с е н и я (*плачет*). Кто вы такой?

В е н и а м и н. Ну, разумеется — маньяк, подстерегающий здесь маленьких дуручек, которые умудряются заблудиться в трех соснах! Давай иди отсюда! Спасайся! Под крылышко дяди Коли! Считаю, что я пощадил тебя за твою хромоту! И впредь не броди по ночам в незнакомом городе! Уходи! Могу я в конце концов побыть сегодня один?! (*Смотрит на часы*.) Черт возьми! Двадцать минут первого!

Неожиданно Ксения срывается с места, прихрамывая, бежит к Вениамину, судорожно его обнимает.

К с е н и я (*бормочет*). Не надо, Метелкин, успокойтесь. Вы так кричите, как будто уже наступил конец света. Пожалуйста, не надо. У меня даже уши заболели от вашего крика.

В е н и а м и н (*глядит ее по голове*). Прости меня, Хромоножка. И в самом деле, чего это я раскричался на ночь глядя?

К с е н и я. Не так уж все и плохо.

В е н и а м и н. Конечно. Все пустяки.

К с е н и я. Вы тут сторожем работаете?

В е н и а м и н. Каким там сторожем.

Кому надо охранять все это старье? Я живу в трех кварталах отсюда. Двести сорок четыре шага, я считал. Мой приятель, Шустиков, заведует этим складом. Иногда он дает мне ключи, и я здесь ночую. Когда не хочу идти домой.

К с е н и я. А кто у вас дома?

В е н и а м и н (*смотрит на часы*). Уже никого. Все закончилось. Как это, оказывается, просто. Даже обидно, до чего просто.

К с е н и я. Я опять вас не понимаю.

В е н и а м и н. И не надо. Поздно понимать. Знаешь... Я ведь не хотел тебе врать. Хотел сразу сказать, что ты ошиблась дверью. Но ты произнесла одну фразу, одну пустяковую фразу...

К с е н и я. Какую?

В е н и а м и н. Ты сказала: «Дневной поезд отменили. Пришлось ехать ночным».

К с е н и я. И что?

В е н и а м и н. Ничего. Не обращаю внимания. Не знаю, что на меня нашло. Буквально понесло куда-то, не мог остановиться. Я не актер, никогда им не был и быть не собирался.

К с е н и я. А кто вы по профессии?

В е н и а м и н. Неудачник.

К с е н и я. Я серьезно.

В е н и а м и н. Мне не хочется сейчас об этом говорить. Да и какая разница? Конечно, чем-то я занимался. Одно время даже шел в гору. Но я не состоялся. Ни в работе, ни в личной жизни. Незачем тебе все это выслушивать. Да и времени нет. Я лишь хотел сказать... Я не человек театра, но здесь, на этом складе, со мной иногда что-то происходит. Я проживаю какие-то другие жизни. Говорю с кем-то по телефону. Кого-то прощаю. Кого-то не могу простить. С кем-то прощаюсь навсегда. На меня смотрят странные, полуистлевшие вещи, желтые шляпы, потускневшие «лягушки». Приходит бредовая мысль: вот поднимусь на эту сцену и сыграю жизнь заново. Так, как я и должен был ее сыграть — не боясь оставаться самим собой.

К с е н и я. Метелкин, милый, что с вами? Вы снова меня пугаете.

В е н и а м и н. Ничего страшного. Всю жизнь я боялся, что не понравлюсь, что меня не оценят, не примут, а примут — так вскоре бросят. И меня не ценили, не принимали, бросали... Хватит этих разговоров. Поздно.

К с е н и я. Поздно?

В е н и а м и н. Да. Тридцать пять минут первого. Пойдем, а то и машину скоро не поймает.

К с е н и я. Я никуда не пойду. Я вас не оставлю тут одного! Поедем вместе к дяде Коле.

В е н и а м и н. То-то он обрадуется.

К с е н и я. Или пойдем к вам домой. Тем более, тут недалеко.

В е н и а м и н. Приличное предложение для молодой девушки. Хватит болтать глупости, идем ловить машину.

К с е н и я. Я никуда отсюда не уйду. Хотя что со мной делайте!

В е н и а м и н. Так. Теперь ты начала кричать. В чем, собственно, дело?

К с е н и я. Не уйду! Не уйду! Не уйду!

В е н и а м и н. Может, мне милицию вызвать?

К с е н и я. Вызывайте! Все равно не уйду!

В е н и а м и н. Так. *(Берет чемодан и плащ, крепко хватая Ксению за руку.)* Я от тебя устал. Ты мне надоела. Быстро за дверь, а то будет больно!

К с е н и я *(стараясь вырваться)*. Зачем вам веревка с петлей, если вы не актер? Отвечайте, зачем вам веревка?

В е н и а м и н. Это реквизит. Обычный реквизит. Что ты опять выдумываешь?

К с е н и я. Неправда! А почему она лежала у вас на столе?

В е н и а м и н. Не знаю! Хотела и лежала!

К с е н и я. Вы врете! Вы снова врете!

В е н и а м и н. Чего ты от меня хочешь? Ты зачем сюда приехала? Играть в спектакле? Вот и делай то, зачем приехала. Учи роль, репетируй. А то еще не понравишься ведущему актеру, он откажется, и никакого спектакля не будет!

К с е н и я. И пусть не будет. Не нужен мне этот спектакль.

В е н и а м и н. Как не нужен? Ты что, с ума сошла?

К с е н и я. Не нужен — и все.

В е н и а м и н. Это же твой единственный шанс!

К с е н и я *(спокойно)*. Нет, Метелкин. Никакой это не шанс. Это обман. Два часа зрители в зале будут думать, что я не хромая, а только играю роль хромой. В театре столько актрис, которые сыграют гораздо лучше меня, а потом сойдут со сцены здоровыми, как будто цветок и в самом деле совершил чудо. Они

будут счастливы, а я — нет. Чуда не получится. Обыкновенный обман.

В е н и а м и н. Что же ты теперь будешь делать?

К с е н и я. Не знаю. По крайней мере — не врать. *(Помолчав)*. Папа-Король поднял на руки Хромоножку и пошел вверх по тропе. Вскоре они исчезли в облаках, залитых солнечным светом. Осталась надежда.

*Ксения берет чемодан и плащ,
медленно идет к двери.*

В е н и а м и н. Стой.

Она останавливается, оборачивается.

В е н и а м и н. Чемодан.

К с е н и я. Что — чемодан?

В е н и а м и н. У тебя точно такой же чемодан, как у меня. Вернее, как был у меня. Через несколько минут он отъедет от вокзала ночным поездом.

К с е н и я. Может быть. Таких чемоданов много.

В е н и а м и н. Совершенно верно, таких много. Очень распространенный тип чемодана. А-какой там подклад?

К с е н и я. Подклад?

В е н и а м и н. Видишь ли, я забыл, какой там подклад — в красно-черную или красно-синюю клетку? Помню, что в клетку. А вот в какую?

К с е н и я. В красно-синюю.

В е н и а м и н. Ты уверена?

К с е н и я. Метелкин, вы пугаете меня все больше и больше. Как хотите, а я никуда отсюда не уйду.

В е н и а м и н. Ты уверена, что в красно-синюю?

К с е н и я. Можете убедиться. *(Открывает чемодан.)* А теперь объясните наконец, что происходит.

В е н и а м и н. Все в порядке. Очень хочется есть.

К с е н и я. Остался кусочек капустного пирога.

В е н и а м и н. Полкоролевства за последний кусочек капустного пирога!

Страна поэзии

Детство

№ 1 (11) 2002

Дмитрий Тутов

школа № 10, психолог

Все уж взглядами небо обшарпано,
Пересчитаны звезды до точности,
Ничего нет нового в шахматах,
А в земле — былой ее прочности.
И вопросы рождает туманные
Вязкий мякиш усталых мозгов.
Незнакомки, когда-то желанные,
Вырывают не мой, увы, вздох.
Где вы, где вы, все чувства забытые,
Что в ночи не давали уснуть.
Бытовою пылью забиты вы,
Будто стонами — хилая грудь.
Нет, шалишь, бытовуха усталая,
Мне вот только себя превозмочь,
И с кровати взворошенной встану я,
Выйду, немощный, в хмурую ночь.
Из кармана души потаенного
Я достану живую звезду
И отвесно на ткань небосклонную
Бытовухе в отместку воткну.

Хотел я песню спеть,
Да губы треснули,
Украли голос мой
Со всеми песнями.
Хотел влюбиться я,
Мне сердце вынули,
Лежит разбитое
И стынет...
Да что еще хотел,
Взорваться порохом,
Наделать по миру
Шального шороху.
Да подмочили, зная,
Не поджигается,
И тишину взорвать
Не получается.

* * *

Предпоследняя фраза прощанья,
пара сцепленных намертво рук,
встречи новой залог — обещаньем
вслед за встречей идущих разлук.

Ты со стрелки часов не отводишь
воспалённых бессонницей глаз,
так зачем же сейчас ты уходишь,
так зачем ты уходишь сейчас.

Обожди, дай насквозь пропитаться
этим мигом, что счастьем сродни,
коль сейчас ты не можешь остаться,
то тогда навсегда уходи.

* * *

В небе огоньки,
Невод у реки,
Звезды стаями
В бездне таяли.
Вдруг одна из них
Сорвалась и вниз.
Птицей синею
В омут с тиною.
Звезды стаями —
Ну искать ее!
Участь звездная
Непростая их.
Миг огнем блистать,
В вечность прахом стать.
«Ой, вы звездочки,
Вы подруженьки,
Не тужите вы,
Не кручиньтесь.
Стану в яме той
Камнем-яхонтом.
Уберут меня
В злато-серебро.
Стану девушке
Ожерелием,
А о смертушке
Не жалею я».

Регина Присяжникова — художник. Закончила Иркутское художественное училище, Свердловский университет, отделение искусствоведения. Сейчас работает в ДХШ № 3. Участница нескольких областных выставок. Одна из организаторов творческой группы "Март". Член молодежного объединения при Союзе художников.

НА ХОЛСТЕ РОЖДАЕТСЯ ПРИРОДА

Если человек талантлив, то чаще всего его талант многогранен. Это в полной мере можно отнести к Регине Присяжниковой.

Молодая, энергичная, умница, с характером, располагающим к себе людей; вне зависимости от того, как давно вы ее знаете, от общения с ней вы ощущаете, что на этого человека можно положиться, ей можно доверить тайну.

В ее жизни нет ничего необычного, неординарного, но она ею выстроена, и мне кажется, у Регины большое будущее.

Все очень просто. Средняя школа в Усолье, там же и художественная. Сразу повезло: первый преподаватель — Геннадий Кузьмин, сегодня он один из известных и уважаемых художников Иркутска, тогда еще молодой, начинающий, пытающийся найти свой стиль, свою тему, но бесконечно преданный живописи, он учил детей так, что для многих из них впоследствии это стало профессией.

Регина в Иркутске. Художественное училище. Это совсем иной мир — сложный, интересный, необычный, хотя для многих достаточно одного года, чтобы понять — этот мир не мой. Очень важно, чтобы в самом начале творческого пути повезло с педагогом, потому как не все умеют раскрыть природные данные студента, и здесь немно-

го везения — Сергей Казанцев, педагог грамотный, с другой, не иркутской школой, а это значит, с иным видением, что всегда было важно, так как это приток новых художественных сил, а сейчас особенно (но это другая тема). И если студент понимает Сергея Ивановича, проявляет заинтересованность к предмету, он выкладывается, старается научить всему, что умеет сам.

Успешно окончено училище, и вдруг неординарное решение — остается в искусстве, но меняет профессию. Поступает в Свердловский университет на отделение искусствоведения. Тема дипломной работы «Изображение сна в советском искусстве». Она сложна, философична, требует особых знаний. Регина совершает экскурс в историю, проводит аналогии с произведениями русских художников начала века, анализирует произведения, — здесь не помогут книги, найти путь, строй сочинения она должна сама. После красивой защиты дипломной работы она мечтает о работе в Иркутском художественном музее. Встречалась с директором, и не раз, но в музей по неизвестной причине ее не взяли.

Сейчас она работает в ДХШ № 3, завуч и преподаватель, методист. Но самое главное — последние два года много работает творчески. Длительные поездки по Байка-

лу, однодневные — за город. Бесконечное количество этюдов. Пейзаж, цветы — основные темы в ее творчестве. Регина удивительно тонкий колорист, любит писать воду (река, море). Кстати, это достаточно сложно и удается не каждому. Написать нужно так, чтобы передать состояние природы, свое настроение, и, более того, работая в реалистической манере, необходимо, чтобы это место было узнаваемо. Отличаются ее работы и оригинальным исполнением композиции холста.

Регина — художник-лирик. Это особенно проявляется в ее серии «Глазково». Виды деревянного одноэтажного Иркутска с одной точки, но в разное время года и дня. Поэтично не только состояние работ, но их названия: «Зеркало» (отражение вет-

вей в воде Олхи), «Плачущие цветы» и т. д.

Регина экспонировала свои произведения на нескольких групповых, областных выставках, а в 2001 году прошла ее первая персональная в Департаменте народного образования. Регина одна из организаторов творческой группы «М-АРТ», которая должна из просто объединения нескольких художников на выставках из случайных работ превратиться в идейную группу, со своими целями и задачами. Член молодежного объединения при Союзе художников.

И самое главное, что поняла Регина Присяжникова за ее небольшой творческий опыт, — это огромное желание писать, иначе то, что ей было подарено природой — талант, — будет потрачено впустую.

И.Г. Федчина,
искусствовед

Присяжникова Регина. «Весенние воды», х./м. 80x85, 2001 г.

Присяжникова Регина. «Вечернее Глазково», х./м. 35x70, 2001 г.

Присяжникова Регина. «Маки», х./м. 59,5x41,5, 2001 г.

Присяжникова Регина. «Плачущие цветы», х./м. 58x48, 2001 г.

ПОЭЗИЯ КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЕЙ

Внешний вид новостроек полностью соответствовал названию, данному этой группе ультрасовременных зданий. Аккуратные тропинки, составленные бетонными квадратами, в обрамлении зеленой газонной поросли, разрезали территорию двора вдоль и поперек. Серый прямоугольник баскетбольного поля манил к себе, при помощи насаженных сосенок и черемух прятался небольшой столик со скамейками.

Сами дома — это прекрасная музыка, рожденная в союзе бетона и стекла. Устремляясь в бесконечно-голубое небо, они с восторгом смотрели на окружающее широко раскрытыми глазами-окнами. Все вокруг было настолько прекрасным, что даже по ночам дома не прекращали восхищаться этой красотой, поблескивая в темноте стеклами.

Как будто совершенно рядом с одной из высоток буквально выросло еще одно здание. Своим видом и высотой оно значительно превосходило остальные здания. Его поспешно стали украшать яркими и красочными афишами и стендами. И когда блеск стекла этого гиганта перемежался пестротой реклам и огней, которыми его увешали, на нем появилась надпись, глядящая: «Универмаг». Каждое утро он приветливо распахивал свои двери, а по вечерам в нем зажигались миллионы огней, они манили сверканием посетителей, спешащих по домам после напряженного трудового дня. Видя это великолепие, мало кто удерживался от соблазна заглянуть сюда. Но когда его пестрота и красочность перестали вызывать бурю эмоций и восторга у всего, что его окружало, универмаг воспринимался уже как самое обычное здание, увешанное кое-где яркими до безобразия рекламными щитами. Он был необходим, к нему так привыкли, что эта аляпистость никого не раздражала и мало кто находился среди жителей округа, кому бы не известно было наизусть содержание каждого щита.

В этот период универмаг с некоторой грустью понял, что он уже не является центром внимания близлежащих домов. Но все же он был тем, к кому стекались во второй половине дня нескончаемым потоком люди. Тем более он прекрасно помнил те дни, когда сверканием огней притягивал к себе взгляды глаз-окон маленьких пятиэтажек, одинаково серых и этим очень похожих друг на друга. Восхищение, ничем не прикрываемое, заставляло магазин еще ярче вспыхнуть и зажечь новые огни реклам. Да, в те дни он был королем! В то время, в «дни его молодости», как позже он сам их назовет, он не испытывал надобности в чьей-либо дружбе или просто в общении с кем-то, положение «короля» не позволяло ему снизойти до этого. Теперь он остро ощутил потребность хоть какого-нибудь общения. По ночам, когда пятиэтажки шептались между собой, обсуждая жильцов и все произошедшее за день, магазин особенно остро чувствовал одиночество.

Универмаг очень не любил эти ночи, когда вязкая тьма была союзником его одиночества, нагоняя самые тоскливые и мрачные мысли. Тогда оно волной обрушивалось на него и давило, давило. Словно хотело взять реванш и отомстить за восхищение, вызванное у окружающих его красотой, за этот триумф. Теперь к нему, являвшемуся когда-то центром всеобщего внимания, стекались лишь жители окрестностей. Он тяжело переживал, что оставлен теми, чьим миром еще не так давно был.

В одну из таких ночей, одинаково скорых в череде бесконечных дней и от этой бесконечности не ставших сколько-нибудь теплыми или жизнерадостными, он едва-едва различил тихий голос, раздавшийся где-то совсем рядом.

— Простите, я некоторое время наблюдаю за вами и сделала вывод о том, что вам одиноко, — неуверенно прозвучало в темноте, где-то очень близко. Универмаг эти слова немного смутили, хотя бы потому, что

гиганту очень трудно было открыто признать, будто он в ком-то нуждался.

— Нет! И с чего вы это вдруг придумали? — в этот момент он ругал себя за резкость, с какой он ответил. Ведь это был его шанс расстаться с одиночеством. «Только бы она не отвернулась от меня, тогда я мог бы все исправить, что минуту назад испортил».

В ночной тишине повисло молчание. Для универмага эта тишина длилась целую вечность. «Ну вот, был единственный шанс, и я им не воспользовался», — думал он, в растерянности глядя темными окнами по сторонам. Но его окружали только те же дома, которые были здесь и днем. «Что же это такое? — с досадой думал магазин. — Как же грубо, наверное, звучал мой ответ».

— Вы зря отрицаете, ведь я вижу — вам одиноко, — раздался снова в тишине знакомый и уже ставший родным голос.

— Ах, это снова вы! Я прошу вас меня простить, — поспешил принести свои извинения универмаг, — просто я был немножко не в духе.

— Но сейчас, я надеюсь, у вас все в порядке, — осторожно раздалось откуда-то из темноты.

— О да, уже просто великолепно! — последние слова незнакомки ободрили гиганта, который готов был говорить и говорить бесконечно, — но я вас не вижу, и это, мне кажется, немного затрудняет наше общение.

— Да, пожалуй, вы правы, но надо подождать света, — тогда мы сможем познакомиться и узнать друг о друге больше. И, думаю, вам больше не будет скучно и тяжело вздыхать вы не будете, — успокоила его собеседница.

— Хорошо, тогда до утра, — ответил универмаг, блаженно отдаваясь во власть грез.

Ирина Распопина

факультет журналистики, I курс

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

— Хочешь выпить? — спрашивает у меня Люцифер и протягивает мне деревянную плошку с какой-то красноватой жидкостью. — Один глоток из священного Грааля, и ты никогда не умрешь! Хочешь? — спрашивает у меня Он, сверкая бездонными глазами. — Или узнать тайну бессмертия, чтобы рассказать людям?

Я хочу что-то ответить, но мои слова заглушает обезумевшая Queen — как раз той песней, что превратили в саундтрек к «Горцу». Странный у них ударник. Похмелье у него, что ли? Он же совершенно не попадает в ритм! О черт, опять утро! И опять соседи колошматят в стенку привычной шваброй — им не нравится мой способ пробуждения. А ведь как эффективно! Выбираешь с вечера нужное время на телевизионном таймере, ставишь на музыкальный канал и на максимальную громкость — и спи спокойно. Гарантия — 100 процентов, даже если подняться надо в пять часов утра. Единственный минус — коллективность, в смысле, вместе со мной встают еще и сосе-

ди. Ну да ладно, не буду о грустном. Чем мне там сегодня снилось-то? А-а, да, дьявол мне эликсир бессмертия предлагал... и за какие такие заслуги перед отечеством? Правильно говорил профессор Преображенский, не читайте перед обедом отечественных газет! Их, наверное, вообще читать не стоит. Вчера, вон, посвятил свое время изучению прессы, и теперь кошмары снятся. Ну, виновата я, что ли, что все печатности решили просветить читателей относительно вечной жизни?! Тьфу, паста какая-то невкусная! А еще рекламируют! С хорошей рекламой можно сбыть и дохлую кошку. Ну почему по утрам вода такая мокрая и холодная?! Я так не играю! М-м-м, какой вкусный запах кофе! Интересно, а чем пахнет эликсир бессмертия? Скорее всего, это самый нужный напиток... после кофе... Ну, а если бы его все-таки изобрели? Представь: дорогие тебе люди никогда бы не умерли... Ага, так кто-то дал дорогим тебе людям эликсир вечной жизни. Он, наверное, в сотни раз дороже героина по стоимости...

И кто сможет его купить? Как это кто, — сильные мира сего. А-а, представь такую картину — вечный Билл Гейтс, Усама бен Ладен, Владимир Путин... Во компания-то! И правила бы они вечно. Ну да, может быть, перепало б и на долю ученых. Ой, чего бы Эйнштейн, окромя атомной бомбы, насоздавал! Вот было бы дивно! Ну а если этот напиток станет доступен всем? Ура. Наконец-то я доела эту треклятую овсянку! Теперь я понимаю сэра Генри из «Собаки Баскервилей». Так, чего-то я отвлеклась от темы... Ну вот представь: все люди Земли стали бы бессмертными... от природы бы точно ничего не осталось. Вокруг были бы сплошные многоэтажки. То есть люди рож-

даются, но не умирают, а жить им где-то надо... Это если сейчас побыть наедине с самим собой удастся не всегда, то тогда будет сплошное «За стеклом»? Вся Земля — одна большая общага. И ни одной травинки. Тогда нового поколения быть бы не могло — ну, детей, если проще. И все из-за того же квартирного вопроса. Ну а если бы люди смогли переселяться на другие планеты? Ой, как мне человечество напоминает раковую опухоль, метастазирующую на всё окрестное... Ну вот представь: человек бы понял, что никогда не умрет. Наверное, случилась бы вселенская депрессия. А если умереть все-таки захочется?

Интересно, а что я ответила Люциферу?

Анастасия Москвина

лицей № 2, 10 кл.

НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ...

Четыре дня шел дождь. Сегодня утром он закончился, но так и норовил начаться снова. Низкие лохматые тучи бешено неслись над землей.

Байкал хмурился. Он был очень недоволен, что выражалось в цвете его воды. Небо отражало серые краски и казалось таким же сердитым. Раздраженный мудрый старик с негодованием думал о своих 544 слугах. Последние дни они плохо исполняли службу: вода, приносимая для пополнения жизненных сил, была мутной.

Хотелось спать. «Да. Я уже не тот, что был тысячи лет назад. Совсем не тот». Байкал не помнил своего детства, не помнил родителей; он не помнил ничего, что было с ним когда-то.

Горы. Всю жизнь он провел рядом с ними. Гордые и свободные, его соседи всегда стремились к бесконечной высоте. «Романтики, — качал головой Байкал. — Зачем стремиться к тому, чего никогда не достигнешь?»

На протяжении многих лет он заботился о своих слугах, а они за заботу и помощь приносили ему спасительную воду. Чистую, прохладную, живую....

«Лишь одна молодая и непокорная.

Слишком сильно я любил ее. Слишком многое прощал», — Байкал улыбнулся, вспоминая свою воспитанницу.

Миллионы лет назад... Тогда разразилась страшная война. Земля извергла пламя, небо скрыто было за слоем пепла и пыли. Гибло все. И казалось, спасения уже не будет. «Да, да. Именно тогда я отправил молоденькую девочку с посланием в Северные моря. Война закончилась. Но ты, Ангара, не захотела вернуться ко мне и потерять свою независимость».

Байкал вспоминал. «Я был молод и наивен, хотя неизмеримо старше Нее. Но не смог я в себе загубить того безнадежного чувства. Каждый день я ждал ее возвращения. Ангара, ты помнишь? Не отвечай! Мне и сейчас больно слышать твой голос.

День за днем, год за годом, тысячелетие за тысячелетием мчалось время. Для меня ничего не изменилось».

В его памяти мелькали образы и картины. «Потом пришли люди. Они никому не желали зла, но творили его. Они заселяли берега, строили новый мир. Свой мир. Я помню всех вас... А вы?..»

Полил дождь. Темнело. Дыхание Байкала стало ровным. Он спал.

Мир прован

ВЕСНА

Все накрылось медным тазом,
Но откуда тлеет разум,
Ощущения конца
Все же нету до конца.

Игорь Иртенев

Снег! Снег. Снег... Снег? С чего бы это вдруг, вроде март на дворе? Странно... Ну да ладно. Завтра будет солнце. Обещали.

«Весна! Весна! Как воздух чист и ясен небосклон...» Если не стоять возле заводящейся машины, то воздух вполне можно назвать чистым. А небо действительно ясное, да такое глубокое, что утонуть в нем совершенно несложно. Но смотреть рекомендуется не только в необъятное небо, а и под ноги, а не то наткнешься случайно на благоухающее послание, оставленное лучшими друзьями человека еще в прошлом году, а потом уже никому не докажешь истинное свое происхождение. И все-таки весна — это пробуждение.

Все свидетельствует о начале новой жизни: и неугомонное щебетание птиц, и назойливое жужжание мух, и довольные дети, купающиеся в лужах. Даже в замерзшем стволе дерева кипит жизнь, а скоро появятся молодые листочки нежно-зеленой окраски, и «природа будет похожа на красавицу девушку, охваченную смутным трепетом пробуждающейся женственности».

А пока идет снег, весной даже не пахнет. Еще и работы — куча, клонит в сон. Денег нет, еды — тоже, но ничего, завтра ведь обещали солнце. Подождем.

Но когда барабанит капель и поют отогревшиеся птицы, совсем не хочется ждать, а тянет на свободу, туда, «вотще», как говорил Пушкин. Вырываешься из дома, а встречает море грязи. Не очень романтично, но реально. Никак не обойдется без промокших ног и грязной одежды. Но если вдруг вам не повезет и вы по нелепой случайно-

сти останетесь не обрызганным большим наглым грузовиком, то не огорчайтесь — не все еще потеряно: эту услугу вы и сами можете себе оказать, упав в грязь на глазах у всего рабочего коллектива. Не только искупаетесь лишний раз, но и посмеетесь вдвоём вместе с остальными, неуклюже вставая и вытирая с лица темно-бурые капли.

Весело, ничего не скажешь. Но в магазине еще веселее. Все есть: и мясо, и печенье, и уют рядом с сапогами, слышны и безумные вопли Бодрова, и заунывные песни Преснякова, книги вперемешку с жирными тортами, парфюмерии — пруд пруди, а главное — все это в одном месте и на все это — жалкие копейки, оставшиеся после уплаты всех налогов, долгов за квартиру, свет, детский сад и школу детей... Грозятся еще поставить счетчики на телефон и на кран с водой, которой у нас как у дурака фантиков, правда, и это ненадолго — усиленно и успешно ведется деятельность по уничтожению пресной воды, без которой, как известно, здоровой жизни нет, но мы занимаемся любимым делом, где россияне уже стали профессионалами, — рубим сук, на котором сидим. Весело бренчат медяки в дырявом кармане старого доброго пальто, которое видело не только перестройку, но и сталинские репрессии. Но хватит, не стоит привыкать к прекрасным музеям, ведь когда вход станет платным, товар превратится в мираж, а покупка — в мечту.

А за окном — снег. Хмуро, темно и сыро. Но ничего — завтра обещали море солнца, жару и глубокое безоблачное небо. Ведь обещали же! Обещали...

Елена Ефимова

г. Иркутск, лицей № 3

КОЛОДЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО САДА

Я неторопливо прогуливаюсь по средневековому тенистому саду, и на каждом шагу мне встречаются колодцы. В одних вода прозрачная и чистая, потому видно дно — спокойное, каменистое, илистое, песчаное или выстланное мхом — насквозь. У каждого колодца, если заглянуть, конечно, внутрь, донные миры не похожи один на другой: все они повествуют о том, что происходило когда-либо с колодцем: бросали ли в него камешки или камни, отпускали ль задумчивых пучеглазых форелей или извивающихся угрей, швыряли ль, чтобы «задобрить погоду», медяки...

Многие колодцы были осквернены: в них сваливали мусор и грязь, но только одни стали от этого зловонными и мутными, а иные сумели сохранить прозрачность, похоронив весь хлам на дне, в гальке и песке. Иные же колодцы никто не засорил, но они почему-то покрыты мутью и плесенью, а на их дне осела затхлая тина. Толща воды кишит пиявками, непрозрачна из-за постоянно подымающегося беспокойного песка. Подойдешь к такому, да и отходишь, и стараешься не возвращаться больше...

Есть тут и такие, в которых вода кристальная, прозрачная, от ветерка муть шевелится. Подойдешь к нему, вдохнешь поглубже, глаза закроешь... Блаженно опустишь отяжелевшие от жары руки в прохладную воду и... тут же быстро отдернешь! Дело в том, что в кристально чистом колодце плавает коварная медуза, она и не заметна: тоже ведь прозрачная. И как только, поверив в искреннюю чистоту, ты погрузишь ладони в колодец, медуза со злорадным наслаждением обожжет кожу ядом своих щупальцев.

Есть и более коварные колодцы: они тоже и чисты, и прозрачны, медузы в них не водятся. Тины и ряски нет. Лишь с краю меж камнями протиснулась ходкая былинка, ко-

торая очень понятно и тонко пахнет. Подойдешь — а отойти уже не захочешь: настолько притягателен ее запах... И вода вроде бы вкуснее покажется, чем у других колодцев: сладковатая, ледяная... Голова отяжелеет, тело отяжелеет, веки отяжелеют, заружится голова, ко сну потянет... А дело-то все в той безобидной с виду былинке: аромат ее — яд, потому-то и не водятся в том колодце ни водоросли, ни медузы — всех губит льстивый приторный дурман.

Но самый удивительный в этом саду один колодец: вода его нисколько не мутна, но дна разглядеть невозможно — настолько он глубок! Глубок, как ни один другой. Перегнешься через край, вниз глянешь, но увидишь лишь... свое отражение, себя на черном-черном фоне; поначалу решишь, что колодец — твой двойник, копия от и до. Но потом поймешь, что твое отражение — это лишь оболочка, верхняя пленка воды, а что под нею? Тайна...

А погрузишь руку — вода приветливо взвихрится вокруг нее, как ласковый котенок. И кто-то коснется пальцев, проскользнув под ладонью, но кто? Рыба не рыба, медуза не медуза, ундина не ундина... Тайна...

Тогда пустишься на хитрость: бросишь камешек в воду, чтоб хоть приблизительно узнать глубину, прислушаешься... Час слушаешь, два... А камешек все еще о дно не ударится. Тогда крикнешь туда: «У-у-у!!!», но услышишь только, как твой же голос прогудит, будто поддразнивая в ответ... Тайна!..

Как же мне любопытно, что там, на дне, что в колодце?! Кажется, я даже готова прыгнуть туда, но...

...Но я боюсь разочарования: обидно будет слезь с простудой, промочив ноги всего-то по колено!..

Мир через

Школа молодого лидера — общественная организация. Основана 28 августа 2000 г. Цель — привлечение молодежи к решению социальных проблем общества. Организаторы и участники многих общественных благотворительных акций, проводимых в Иркутске.

Эльмира Семенова

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА

Сегодня в нашем обществе принято говорить о негативных явлениях, видеть в первую очередь плохое и не замечать светлого и доброго. В СМИ героями наших дней стали наркоманы и люди, которые ради денег способны на все. Особенно это явление касается молодежи. У простого обывателя складывается впечатление, что сегодня понятия честь, достоинство, дружба, доброта, альтруизм ушли в прошлое навсегда.

Но уверяю вас, это не так. У нас есть замечательная, талантливая, активная молодежь. Молодежь, которая осознает, что никто за нас не сделает этот мир лучше и предпочитает конкретные действия в решении проблем общества.

Примером может служить Иркутская го-

родская молодежная общественная организация «Школа молодого лидера».

Немного истории.

В 1999 г. Иркутская областная общественная организация Российского общества Красного Креста приступила к реализации проекта «Школа молодого лидера» (ШМЛ) при финансировании Сибирского центра поддержки общественных инициатив.

Целью проекта являлось привлечение перспективной, активной, талантливой молодежи к решению социальных проблем общества путем создания Школы молодого лидера.

Во время проекта ребята проводили семинары, изучали социальные проблемы общества не только в теории, но и на практи-

ке, создали 22 социальных проекта, и самое главное — сами разработали и провели акцию «В новое тысячелетие — с теплом и заботой о детях».

Проект закончился успешно. Но раскопаться не хотелось. Ведь сделаны добрые дела, получены знания и навыки для дальнейшей работы.

И решение принято — 28 августа 2000 г. организация официально зарегистрировалась Главным управлением юстиции Иркутской области. Целью создания и деятельности организации является развитие и поддержка молодежных общественных инициатив и привлечение молодежи к решению социальных проблем общества.

За время существования школы молодые лидеры участвовали в таких благотворительных акциях, как сбор одежды, игрушек и денежных средств для детей-сирот Иркутской области, очистка и озеленение города; помогали в обустройстве социальной деревни для умственно отсталых детей и их родителей, оказывали помощь в организации мероприятий общественной организации «Детская и юношеская школа экологии и здоровья».

Самыми яркими акциями ШМЛ стали «Бродяга» (6 февраля 2001 г.) и «Рождество

для маленьких бродяг» (7-13 января 2002 г.), которые вызвали огромный резонанс в обществе.

Любой молодой человек в возрасте от 16 до 24 лет может обратиться в Школу Молодого Лидера и попробовать свои силы в решении социальных проблем. Для этого ежегодно в сентябре проводится набор в школу.

Подготовка участников ШМЛ предусматривает 3 ступени. Каждая ступень включает теоретический и практический блоки обучения.

Успешно окончившие обучение молодые лидеры получают сертификаты, подтверждающие их квалификацию, а также рекомендации для работы в некоммерческих и общественных организациях.

За время существования школы мы поняли, насколько нужна и важна наша работа, сколько добрых дел и начинаний мы можем делать, сколько новых идей, пришедших в молодые чистые головы, мы можем воплотить в жизнь, особенно если мы вместе и нас много.

Участники нашей школы — творческие люди. Мы предлагаем познакомиться с их произведениями.

Татьяна Карелина

студентка ИГУ, биофак

ОЛЬХОНСКИЙ ДНЕВНИК

Живу я в Иркутске, рядом с Байкалом, но выбраться туда у меня не было возможности все мои 18 лет до нынешнего лета, которое стало знаменательным для меня. Мечтала я увидеть священные воды Байкала, прославленные необыкновенной чистотой и прозрачностью, полюбоваться поэтическими байкальскими закатами и, конечно, окунуться в воды великого озера. Я хотела поехать на Байкал, чтобы принести непосредственную пользу байкальской природе.

И вот свершилось. Был организован добровольческий лагерь «Дэко-Байкал», одной из задач которого была уборка мусора на Байкале. Причем в самом священном месте озера — на острове Ольхон. Хотя Ольхон относится к Прибайкальскому националь-

ному парку, проблема уборки (утилизации) мусора здесь не решается. Помимо того что у каждой стоянки туристов — свалка, в районе поселков Хужир и Харанцы есть несколько так называемых «несанкционированных» свалок и одна «разрешенная». Вывоз мусора с Ольхона вообще не осуществляется. Вина в появлении этих свалок лежит как на туристах, так и на местных жителях, потому что в процессе работы нам попадались категории мусора, которые не могли быть оставлены туристами (многие из таких «находок» сейчас выставлены в Хужирском музее). Отдыхающие, проезжая мимо, видят завалы и бросают туда свой мусор, решив, что это свалка. Туристы «кормят» свалки, а те растут и расширяются.

Госпиталь

Часто и до свалок-то отходы не доносят — бросают на месте своей стоянки, более «грамотные» — закапывают. При таких условиях остров Ольхон вскоре может превратиться в одну большую свалку. Этого нельзя допустить, и проблему надо срочно решать. «Всё связано со всем»*.

Нашей задачей было убрать одну из свалок (огромный участок леса, весь заваленный отходами). Осуществить ее полностью нам не удалось. Убрали мы «опознавательный» мусор, по которому можно было определить с дороги местонахождение свалки. «Санкционированная» свалка, мягко говоря, в неудовлетворительном состоянии: приросла к дороге и разрослась вширь и вглубь. Так нам рассказали местные неравнодушные люди.

Есть в Хужире и Харанцах несколько интересных людей, волею судьбы попавших на Ольхон из разных мест мира. Привязал, приворожил Ольхон так, что невозможно покинуть его святые места. Не сибиряки, не ольхонцы, а приехавшие из Украины, Германии, Белоруссии так много доброго делают для сохранения природы и развития традиционных ремесел местных жителей.

Очаровал Ольхон и меня. Сейчас я нахожусь в Иркутске, а мысленно — там. Душа моя еще гуляет по бескрайней степи, наслаждается живительным ольхонским солнцем, вдыхает ароматы трав под синим безоблачным небом, обдуваемая прохладным свежим ветром.

Бесконечная, бескрайняя степь. Байкал цвета неба. Спокойный и синий — в ясный день. Суровый и серый, когда сердится небо. Сине-фиолетовые горы Приморского хребта в сиреневой дымке. Необъятные лиственницы с янтарными натеками смолы на стволах. Чистый желтый песок под ногами, устилающий дорогу, плавно переходящую в песочный берег озера. Каждая песчинка индивидуальна, отличается от других и цветом, и формой, и переливами на солнце.

Посреди сине-зеленого Байкала возвышается каменный остров, покрытый редкой низкой травой. Здесь — птичий базар. Разговаривают, обсуждают что-то громко и энергично желтоклювые чайки.

Пенится, шумит грозный Байкал. Вода у него холодная, сводит ноги непривыкшему пловцу. Но желание окунуться в светлые воды священного моря покоряет страх.

* Б. Коммонер. Законы экологии.

Каждое мое утро начинается с зарядки. Этому правилу я не стала изменять и на Ольхоне. Под теплым, ясным солнцем, освещающим необозримую степь, делать утреннюю гимнастику большое удовольствие. Запах трав действует ободряюще. Тело дышит холодной утренней свежестью, солнышко окутывает своими теплыми лучами. Хорошо так, что не передать словами. Степь горит розовым пламенем чабреца, который плотным низким ковром устилает землю. Кое-где видны кустики голубенькой незабудки и яркие синие огоньки живокости крупноцветковой. Узкие, сочные среди сухolistных злаков и разнотравья встречаются повсюду степные ирисы. Стараешься аккуратно ступать по степи, не нарушать ее тонкий, уязвимый растительный и жизненный почвенный покровы. А почва в данном месте Ольхона находится в угнетенном состоянии по ряду серьезных причин. Это и чрезмерный выпас коров и овец, которые сами по себе разгуливают по степи, объедая и вытаптывая все подряд. Где травостой высокий, это огороженные под сенокос участка, так называемые утуговые луга, традиционный для бурят способ луговодства. Здесь почву удобряют навозом и поливают. Конечно же, большой вклад в разрушение почвенного и растительного покрова вносит незнание, равнодушие большинства туристов, приезжающих на Ольхон, как они говорят, «оторваться».

Вообще растительность в этом месте Ольхона представлена как характерными для степи видами, так и теми, что встречались мне в других местах. Это прежде всего одуванчик лекарственный, лапчатка гусиная, льнянка обыкновенная и другие. Почва почти полностью на непокрытых травянистой растительностью местах устлана листовым лишайником различных видов, а кое-где, на микропонижениях, и мхом. Нередки и пустынные участки, на которых растительность отсутствует. Образуются выгоптаные тропы и дороги, полностью лишённые растительности...

19 июля

Мы выехали с экскурсией на мыс Хо-

бой — святое для бурят место и самую северную точку острова Ольхон. Дорога была долгая и сложная, но веселая. Сидели мы в кузове уазика. Так как асфальтовых дорог на Ольхоне нет (и слава богу!), мы добирались к нашей цели с тряской и визгами по ухабам, ямам, горам, обрывам, держась обеими руками за борта кузова. Вид вокруг нас был красивейший. Бескрайняя степь с пробегающими в испуге и недоумении сусликами, лиственничный лес с непередаваемыми запахами хвои, подстилки из листвы, свежие грибы, травы и цветов, байкальской воды и водорослей. Дурманяще действовала смесь этих ароматов.

Ближе к мысу Три Брата (так сказал нам шофер) воздух наполнился медовым ароматом, который сопровождал нас всю оставшуюся дорогу до мыса Хобой. По пути мы то замерзали от ледящего байкальского ветра, то на возвышенности изнемогали от жары. Наконец добрались. Изумительной красоты пейзаж открылся перед нами. Высокая скала, за ней простирается изумрудный Байкал с прозрачной водой, через которую отчетливо просматривается дно, покрытое кустами водорослей и усыпанное огромными валунами. Скалы заросли лишайником, отчего сделались ярко-красного цвета.

Проползла прямо у нас под ногами змея, испуганная набегом «диких» туристов, то ли это была гадюка, то ли обыкновенный уж, я не знаю. Маленькая, сливающаяся с окружающей растительностью змейка скрылась под камнем.

Скала причудливой формы с прямоугольным отверстием встретила нас на пути. Сквозь него, как окно в другое измерение, взору путника открывался удивительный Байкал, спокойный, безмятежный. В этой безмятежности скрыты мощь и величие Природы. Бесконечная синева воды постепенно растворяется в небе.

Где-то вдали на воде виднеется светлая полоса, как водная дорожка, уходящая в бесконечность. Многоголосое эхо повторяет каждое сказанное слово.

Какой-то особой энергетикой обладает мыс Хобой. Все стояли как замороженные... Молчали. Как нигде более, возникло желание остаться здесь.

— Говорят, камни на Хобое радиоактивные. Долго здесь оставаться нельзя. Год назад были геологи и сказали, что мыс сильно фонит, — поторапливал нас водитель.

Рассказывали, что на Ольхоне водятся в большом количестве грызуны, хищные птицы, рыси, лисицы. Прошлой зимой по льду

приходили волки, но не задержались. Очень редко можно увидеть диких коней-мустангов. Возможно, одного мы видели на обратном пути. Разглядели длинный чуть не до земли хвост, такую же гриву и коричневый окрас шерсти. По описанию местных жителей, это был мустанг.

* * *

22 июля

День был насыщен впечатлениями. Встала я в 7 утра, разбуженная утренним, но уже палящим солнцем. Сегодня предстоит убирать мусор на хужирской свалке, до которой мы не дошли ни вчера, ни позавчера, собирая мусор вдоль дороги и складывая полные мешки у обочины. Шли пешком километров 6 под дождем, который неожиданно начался. Нашему хорошему настроению он не помешал, всю дорогу, как обычно, пели песни. Добрались до «пункта назначения» — видок и запахок соответствуют. Работа закипела. Собрали много мешков пластика, стекла и пр. Но свалка от этого не уменьшилась. Казалось, что можно собрать в два счета. Начинаешь работать, соберешь несколько мешков, а куча меньше не становится, лишь углубляется. Таков закон свалки.

Далее мы отправились в музей в Хужире. По пути набрали на мыс Бурхан, мыс Скала Шаманка. Это залив с каменистым пляжем. Изображение мыса уже стало традиционным для иркутских художников. Он неперемный атрибут фотоальбомов о Байкале. Я знала, что предмет моего удивления, восхищения красотой пейзажа находится на острове Ольхон и называется он мыс Бурхан. Берег каменистый, а не песчаный, каким он выглядит на картинах. И... замусоренный.

Я облазила всю скалу, подтягиваясь на руках, скользя ногами по глине и гладким валунам, покрытым красным лишайником. Я боялась лезть на вершину. Но любопытство пересиливало страх и боязнь высоты. Потрясающий пейзаж на «синее море священный Байкал» открылся мне с высоты птичьего полета.

Мы искали вход в пещеру, где в древности шаманы проводили ритуальные обряды, приносили жертвы своим суровым богам. Мыс Бурхан считается местом пребывания хозяина Ольхона. Для бурят это место и поныне считается священным. Сюда приносят дары, но сейчас это происходит в основном без убийства. У входа

в пещеру лежат деньги, ленточки. Любое надругательство над святым местом карается духом мыса Бурхан, так прежде считали местные жители. Если ранее подходить близко к жилищу хозяина Ольхона было строго запрещено, то теперь туристы просто наводнили мыс. И ведут себя, как оккупанты на чужой территории.

Наконец, обойдя весь мыс, мы нашли вход в темную глубь пещеры. Спускаться в нее опасно. В пещере темно. К большому камню у входа привязана веревка для удобства спуска. Набравшись храбрости, без специального снаряжения один за другим мы стали спускаться. В глубине виднелся свет. Пещера оказалась сквозной и представляла собой узкий короткий тоннель на другой конец мыса. Это я узнала после того, как преодолела все препятствия. Спускалась ногами вперед, ноги скользили, нащупывая выступ, руки крепко держались за веревку. Затем перевернулась на живот и уже так, по-пластунски сползала вниз по веревочной лестнице... И вот — долгожданный свет. Спуск был короткий и увлекательный. Особенно когда пришлось пролезать под огромным валуном, нависающим над головой и подпертым палкой. Того и гляди рухнет на голову.

На другой стороне мыса я была удивлена необычной формой выступа скалы. Столб, а на нем пирамида.

На память я решила взять, как обычно, камни с берега. Слушая шум прибоя, я перебирала рукой камни, отбирая самые интересные. Мое внимание привлек камень черного цвета поразительной формы, напоминавший осколок кости. Разглядев свою находку внимательнее, я обнаружила во внутренней полости части губчатую структуру. Я решила взять находку с собой.

Побывали мы в этот день в Хужирском музее, где представлена история, быт жителей острова Ольхон. Старинные предметы быта бурят и русских. Вещи, принадлежавшие женщине-шаманке Одэгон. Я не знала, что шаманами могли быть и женщины, в то время как в пещеру на мысе Бурхан женщинам входить нельзя. Нельзя вообще посещать святые для шаманов места. Также в музее представлены предметы быта, относящиеся уже к XX веку: вышивки, скатерти, гармонь. Деятельность Маломорского завода. Чучела птиц и зверей, гербарии ольхонских растений и минералы...

* Позже я прочла, что в пещере имеются «боковой коридор и узкая продушина, ныне заваленная упавшими глыбами камней. Та же участь ожидает главный вход, ныне поддерживаемый множеством деревянных подпорок». Дух Ольхона не допускает случайных людей с нечистыми помыслами.

Коллекция музея была нами порядком пополнена найденными на свалке вещами. В тот день это были ступица, «базлуки» (ледоступы). Далее — и колесо от телеги, и чугунный утюг, щеколда и еще много всего старинного. В музее я показала и найденный мной камень-кость, который оказался действительно костью «очень-очень древней, окаменевшей, которая подлежит сохранению и исследованию», — сказали мне в музее. Подумав, что это кость человека или животного, возможно принесенного в жертву, я побоялась принести в дом предмет, несущий свой тайный сакральный смысл. Отдала на экспертизу, которую, как мне сказали, проведет профессор В.В. Свинин, о результатах которой мне сообщат.

И еще о пещере. Она, как я уже сказала, представляет собой узкий тоннель-переход, связывающий две противоположные части скалы. Я думаю, что здесь не могли проводиться обряды ввиду недостатка свободного пространства. Наверняка есть еще один ход, засыпанный, замаскированный, действительно служивший культовым местом*. Но он нам недоступен. Закрыт. Потому что в противном случае все будет осквернено. Пример тому — разграбление древних захоронений и сбитые наскальные рисунки, гнусные надписи, так что ценных древних петроглифов невозможно разглядеть. Горы пластика и стекла у жертвенника.

24 июля

Сию на краю обрыва. Наблюдаю, как солнце постепенно заходит за горы, окрашивая небо в розовые тона. Солнечная дорожка струится желтым, почти золотым потоком по рябой поверхности Байкала. Слышны стрекотание кузнечиков, крики чаек. Везде кипит жизнь.

Причудливые формы создают облака. Воздух наполнен вечерней байкальской прохладой и запахом полыни. Дышу — не могу насытиться. Набираю полные легкие, пытаюсь насытиться воздухом. Чтобы хватило мне продержаться в городском смоге этот год. Тяжело от одной только мысли о городской суете. Все здесь кажется вечным, существенным, а бытовые проблемы — проходящими. Я открываю для себя, что нет у меня другого пути в жизни, как связать свою судьбу с Байкалом.

Радостно от мысли, что придет новый

день с солнечным теплом, заботой и всепрощающей любовью Природы-матери, при всех ее тяготах дарящей нам возможность созерцать свои красоты и великолепие. Хочется верить, что эта красота неподвластна разрушительной человеческой деятельности.

Пошли гулять по лесу. Я — с целью собрать лишайник и мох для композиции из природных материалов. Подружка — набрать костей и черепов животных, чтобы сделать снимок «О поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?» на фоне байкальских гор в бескрайней степи. «Преодолевая смерть, сквозь череп пробивается цветок». Надо отметить, что в степи и в лесу довольно часто встречаются кости овец и коров.

Мы забрели в чашу леса, встречая на своем пути полянки лишайников — листовых, кустистых, покрывающих как почвенный слой, так и ветви деревьев и пни.

Лес состоит в основном из лиственниц и сосен. Велико разнообразие лишайников. Нередки и трухлявые деревья, спилы. Лес замусорен, видны следы от пожара. Помимо доминирующих пород в нижнем ярусе встречается багульник. Много подроста сосны и лиственницы.

Лес суровый, сырой, темный и таинственный. Такой, как описывается в сказках, где лешии, кикиморы, «избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей», «русалка на ветвях сидит», «там на неведомых дорожках следы невиданных зверей», и очень много в том лесу костей. Здесь есть Кошей, и Змей Горыныч, и Баба добрая Яга (добавила бы я). Такие на Ольхоне леса.

Было очень тихо. Не слышно голосов птиц. Не встретили ни одного муравейника. Становилось жутко от звука ломающихся веток под ногами.

Вдоволь набродившись, набрав лишайников и костей, мы собрались домой, и, как обычно бывает у путешественников, не следивших за дорогой (растяп), мнения о том, в какую сторону идти обратно, разошлись. Я говорила — вниз, с горы, в ответ слышала — на гору. Пошли все-таки в моем направлении, но уже после того, как накрутили петель то вверх, то влево, то вправо, пройдя приличное расстояние. Изрядно перепугавшись, что не найдем дорогу обратно в лагерь, решили — это... леший водит нас кругами. Плонули три раза через левое плечо. И... вышли с совершенно противоположной стороны лагеря. Была такая радость, какая возникает у моряков, многие месяцы плавающих в бескрайнем океане и увидевших далеко на горизонте землю. Как

они кричат: «Земля! Земля!», мы воскликнули: «Байкал! Байкал!» Что означало — рядом наш лагерь.

25 июля

Ночь. Горит костер. Тишину ночного леса нарушают звуки гитары. Новый для меня вкус картошки, запеченной в углях, пахнувшей дымком от костра. От сажи и руки, и лицо становятся черными, как у трубочиста.

Упала звезда, еще одна и следом третья. Загадываем желание обязательно вернуться на Ольхон всем вместе, тем же составом. Спать не хочется, хотя за день устали, поработав на свалке. Очень хорошо и тепло на душе.

Снова любуюсь удивительным закатом. Как акварельные краски при письме «по сырому», так и байкальская вода, сиреневая от заката, переходит в розовую цветовую полосу, та — в желтую, создавая необыкновенное цветовое сочетание, не передаваемое словами. Небо осветилось ярко-розовым и оранжевым цветом на фоне желтых с синевой облаков. Небо, горы, озеро-море меняли оттенки от светлых к темным. Песок казался розовым от заката. Вокруг тишина и покой.

28 июля

Остаются считанные дни моего пребывания на Ольхоне. Тоскливо на душе от мысли, что вскоре придется покинуть это место. Сегодня утром сделала пробежку до Байкала по песчаной дороге. С самого утра светит солнце. День должен быть жарким. Особенным, неповторимым казался мне в это утро запах степных трав.

Единственное место, где мы еще не побывали, был мыс Будун. И мы отправились туда. Как нам рассказали, на мысе Будун есть пещера в примыкающем к Байкалу обрыве, где шаманы производили свои ритуальные обряды. Подобраться к ней очень сложно с берега, но легко с воды. Внутри пещеры могильник, жертвенник. Мыс, который был виден с нашего берега, находился, как позже стало ясно, довольно далеко.

Прошли мы деревню. Стадо коров жевало редкую и низкую траву в прибрежной степи. Они пофыркали, недоуменно на нас посмотрев, и продолжили жевательный процесс. Маленький ручеек тек по дну высохшего русла реки, о прежних размерах которой напоминали теперь уже только обрывистые берега. На пути мы наткнулись на овраги, оползни с глинистой

подошвой, покрытые растениями, характерными для лугов. Прыгая через их кочкообразные выступы, мы продвигались вперед и вперед. Наконец достигли каменисто-песочного берега. Идти по нему оказалось сложнее, чем казалось на первый взгляд. Камни и песок попадали в ботинки, приходилось периодически останавливаться и вытряхивать их из обуви. Люди, встречавшиеся нам на пути, смотрели на нашу цепочку одни удивленно, пытаясь понять цель нашего продвижения, другие спрашивали, интересовались и тоже удивлялись, услышав про пещеру мыса Будун. На берегу я находила сухие байкальские губки, по форме напоминающие колонию кораллов.

Далее отвесная скала и степь... и опять каменистый берег Байкала, уходящий в оползневые кочки со следами деятельности каких-то водных потоков. Синяя и зеленая, коричневая глина пластинами выползла по краям высохшего русла ручьев.

Байкал спокойный. Ласковые волны бережно омыают берег. Из последних сил мы забрались на вершину холма. Здесь расположена геоморфологическая вышка, знаменующая самую высокую точку мыса. Мы устроили привал. На фоне вышки сфотографировались на память.

Спустились вниз. А это всегда легче, чем подниматься. Перед нами открылась поляна серебристых эдельвейсов, довольно крупных. Издали казалось, что снег лежит в степи. Шли друг за другом цепочкой, след в след, чтобы не нарушать растительного покрова.

На склоне растительность густая и высокая. Колосья злаков поднимаются выше колен, больно царапая ноги.

Наконец мы дошли до края мыса. Куда идти дальше? Направо, прямо, налево? Где пещера? Никаких опознавательных знаков. Искали круги, которые, нам рассказали, должны быть у пещеры, но где — на воде или на почве? Людей нет, спросить не у кого. До ближайшего лагеря, видимого нам, еще «топать и топать». Ни у кого сил уже не осталось. Подошли к склону. Везде нагромождение огромных валунов. И везде между ними расщелины. Обманывают они, думаешь, вот она — долгожданная пещера. А это всего лишь щель, дальше — тупик. От одной такой обманки мы в ужасе отпрянули. У расщелины были останки коз. Как они там очутились?

Эхо, правда не такое многоголосое, как на Хобое, повторяло каждое наше слово. Старались говорить тихо, в таких местах

кричать нельзя, любой громкий звук может спровоцировать обвал. Тем более что поро- ды песчаные.

Гробовая тишина, ни одного звука. Молчат кузнечики, не слышно даже голосов чаек. Становится жутко. Запах разлагающегося мяса нагнетает обстановку. Лишь яркое и теплое солнышко развеивает страх. Шум ветра, перебирающего колосья, выдувает из головы всякую мистику.

Уставшие и голодные, мы присели отдохнуть. Священный орел парил в небе над нами. Двое неутомимых дэковцев продолжали без устали искать пещеру. И тут мы услышали их радостные возгласы: «Нашли! Нашли!» И побежали на крик. На отвесном склоне, обрывающемся в Байкал, увидели расщелину, спускаться к которой было опасно: песок и камни под ногами с шумом срывались с огромной высоты в воду. Решили не рисковать, зайти в пещеру с воды, с кем-либо договорившись о лодке. Устали мы и перегрелись на солнце, так что мечтали теперь только искупаться в Байкале. Обратный путь, как обычно бывает, показался короче. Отряд наш разделился по степени усталости, кто-то отставал, кто-то шел впереди всех.

Я отстала, чтобы сделать пару фотографий живокости крупноцветковой среди высоких зеленых злаков. Присоединилась к последним. Первые убежали вперед так, что исчезли из поля зрения. Перешли холм, идя по их следу — низкой полосе смятой травы, и наконец настигли наших «первопроходцев», что-то ищущих в густой траве. А в небе парила хищная птица. Грустная мысль промелькнула у меня в голове. Все переглянулись. Так и есть. Хищник поймал и выронил какую-то птицу, та упала в траву. Ребята теперь ее искали. Когда мы замирали, до нашего слуха доносился тихий писк. Но стоило пошевелиться, птица тут же замолкала. Хотелось убедиться, что птица жива, а если ранена, то помочь. Пятнадцатиминутные поиски оказались безрезультатными. И мы молча двинулись дальше.

Было видно, что всех мучили угрызения совести за птицу, которую не удалось спасти. Надеюсь, что она не была сильно ранена, оправилась через некоторое время и улетела.

Добрались до лагеря только к ужину. Часть обратного пути мы проплыли на лодке, договорившись с работником детского лагеря, расположенного недалеко от мыса Будун. Он с радостью согласился завтра нас довести до пещеры.

Следующий день не удался. Пройдя половину пути, пришлось вернуться. Разыгралась непогода на Байкале. Сильный ветер и высокие волны не позволили бы плыть лодке.

30 июля

Раннее утро. Легкий утренний ветерок. Солнце уже нагрело землю, от нее исходят теплые испарения. Бродила по цветущей степи. Сидя на траве, следила за медленным течением облаков, слушала пение и щебет птиц, стрекотание кузнечиков. Крупные, зеленые, с красной спинкой, часто обнаруживали мы их на потолке палатки. Деловито снуют муравьишки, каждый норovit принести поклажу больше себя. Их жилища — под землей, на поверхности лишь небольшие насыпи вокруг входа. Это создатели подземных, бесконечно протяженных городов-лабиринтов.

Старый сломанный ствол дерева на вершине холма напоминает древнюю рыбацкую лодку на песчаной отмели. Начало припекать солнышко.

Берег резко обрывается. Страшно стоять на краю обрыва, кружится голова от высоты, под тобою бездна. Чайка в быстром полете опустила на воду и мгновенно взлетела, оставив круги на воде. На отвесной скале гнезда стрижей. Они веселыми стайками, играя в догонялки, проносятся над водой с громкими жизнерадостными криками. В городе они селятся под крышами многоэтажек. Вечером с балкона я наблюдаю за их стремительным полетом.

Вслушиваюсь в шум прибоя. Вода, как миллионы солнечных зайчиков, сверкает на солнце.

Вода холодная, решаюсь искупаться, завтра уезжать, когда еще придется. Дно мягкое, песчаное. Серебряными льдинками мелькают маленькие рыбешки.

Всегда после купания в озере выходишь на берег просветленным, с радостным чувством духовного обновления, которое нисходит на молящегося в церкви или во время обряда крещения.

Охватывают восторг и трепет. Байкал для меня — наивысшая всеобщая гармония, одухотворенная божественной красотой, творение Великого Создателя всего сущего.

Елена Лисовская

ИГУ, факультет журналистики, III курс

«ОБЩЕСТВЕННАЯ» МАМА

Все семьи как семьи, одна наша — нестандартная. А все почему? Да просто мама у меня — общественный деятель. Сначала все было хорошо: папа работал, мама готовила вкусные обеды, а потом забирала меня из садика. Теперь же все по-другому: мама работает, папа готовит непонятно какие обеды и частенько забывает забирать меня из садика.

Недавно у нас в саду был праздник 8 Марта, весь день наша группа дружно клеила открытки, учила стишки, все ждали своих мам с нетерпением. Ну вот, пришли все мамы, кроме моей.

— Нюрочка, а где же твоя мама?

— Задерживается, у нее работа важная.

Сама сижу, жду. Всем мамам уже открытки подарили, стишки прочитали. И тут заявляется... мой папа и говорит: «Пошли бы-

стрее домой, у меня курица в духовке». А я ему: «Ну нетушки, оставайся! Для кого же я, по-твоему, открытку мастерила и стих этот заучивала?» Пришлось папе остаться, вручила я ему торжественно открытку, стихи прочитала, поздравила с праздником. Папа остался доволен, только все время поглядывал на часы и переживал за курицу.

Вообще, все семьи как семьи — у всех мам и пап есть выходные и праздники, ну хотя бы на Новый год. Мне же приходится все каникулы проводить с папой, а он даже в куклы играть не умеет и постоянно читает свои нудные газеты. Я все время спрашиваю у мамы: «Ну когда же у тебя наступит отпуск?» На что она всегда отвечает, что ближайшие три года его точно не предвидится. Я посчитала, что через 3 года мне будет уже много лет и вряд ли захочется

Гештальная

играть в куклы. Хочется намекнуть маме, что она буквально упускает последний шанс, но я не знаю, как это сделать. А вообще, с тех пор как мама попала в свою общественную организацию, я стала жуть до чего самостоятельной. Приходится самой собираться в садик, иногда даже самой из него забираться. Еще я активно учусь готовить, папа ест и вроде пока не ругается, а мама вообще не замечает, что она ест. Раньше мама читала мне на ночь сказки, теперь на ночь она разговаривает

по телефону, ладно бы о чем-нибудь интересном, так нет — все про работу! Бабушка утверждает, что я — гениальный ребенок, не по годам сообразительный. Ну еще бы — попробуйте по-другому выжить в условиях жесткой межвидовой конкуренции и естественного отбора!

Мама! Я знаю, что сейчас век (как это называется?) эмансипации, но я так по тебе скучаю!

P.S. Я все равно люблю тебя, хоть ты все время на работе!!!

Татьяна Бабанова

главный редактор
газеты «Некоммерческий мир»

ГОРОД ДЕТСТВА

В городе детства все очень маленькое... Попробуйте как-нибудь пройти по улицам, по которым гуляли в детстве, и вы вдруг увидите, что они совсем не такие большие и широкие, какими вы их запомнили. Вы, быть может, ощутите себя Гулливером, неожиданно попавшим в страну лилипутов. И хотя вы проходили по этим улицам уже будучи студентом или даже вполне взрослым человеком, город детства всегда хранит воспоминания о тебе маленьком.

Как только попадаешь в парк, куда с друзьями летом бегал кататься на карусели, а зимой с ледяных горок, где под деревьями пытался отыскать следы ежика, которого кто-то именно в этом месте видел, где в небольшом кирпичном замке разворачивалась средневековая жизнь мальчишек и девчонок восьмидесятых годов двадцатого столетия, чувствуешь себя совсем крошечным и даже способным на небольшие безумства, и за маской взрослого человека, с легкой грустью всматривающегося в окружающие предметы, просыпается десятилетний бесенок, которому совершенно необходимо самому исследовать каждый уголок, пробежаться по всем дорожкам и среди деревьев устроить собственный «дом» со своими законами и правилами.

И очень хочется, спрятавшись в сумерки, с визгом скатиться с горы или заново пройти по лабиринтам замка и удостове-

риться, что «секретик» — бутылочное стекло с блестящим фантиком под ним — до сих пор хранится там, где ты его закопал.

А ко двору, где прошло твое детство, отношение и вовсе особое. Кажется, что ты уже не имеешь права ступить туда, где подростком бегал с друзьями, играя в лапту или «девять камушков», туда, где за домом, в котором жил, в небольшом лесочке, сохранившемся среди домов, собирал клевер для небольших букетов или срывал подорожник, чтобы залечить многочисленные ссадины и царапины. А теперь ты, взрослый, можешь позволить себе лишь через дырку в заборе взглянуть на свой старый двор, где уже давно нет твоих друзей детства — все разъехались, где даже лавочки стали другими, а многих предметов детского городка и вовсе не осталось — сломали. И ты с грустью смотришь на современных мальчишек, выбегающих со двора на улицу, и думаешь о том, что двор твоего детства принадлежит теперь им.

А дома в городе — вы не замечали? — тоже совсем невысокие. И вообще все в твоём родном городе напоминает игрушечный городок, в котором знакомые дома и улицы как будто уменьшились в размерах, и никогда ты уже не сможешь поместиться со своими взрослыми играми в этом маленьком городке, где по-настоящему играть и быть счастливыми могут только дети...

НЕЖНОСТЬ

Настоящую нежность не спутаешь,
Ни с чем, и она тиха.

А. Ахматова

Я очень люблю город утром. Так рано, когда еще никто не проснулся, тогда, когда улицы пусты и дороги, как скатерти, без единой морщинки расстилаются перед тобой, а мокрый асфальт отдает прохладу ночи ранним пташкам-пешеходам. В этой серости есть своя поэзия и свой стих, в ней есть то, чего никогда не заподозришь днем — нежность. Я люблю этот город какой-то странной любовью, как будто внутри меня живет ощущение, что это мой город и никакой другой не был бы мне так дорог, будто все, что есть в нем, плохое и хорошее — это мое, и отражение меня, и продолжение.

Это не шемпящая любовь, которую испытываешь после долгой разлуки или в особые минуты безудержной лиричности, это спокойная, уверенная, тихая любовь, которую так трудно проговорить и так хочется озвучить.

Я люблю этот город летним утром, когда солнце еще не пропитало асфальт и здания своим жаром, когда всем своим существом, каждой клеточкой кожи чувствуешь свежесть и новорожденность, и юная зелень листвы кажется единственно возможным, имеющим право существовать цветом, когда хорошо настолько, что хочется взять лист бумаги и писать. Ни о чем. Не зная — о чем.

* * *

... Казалось, что воды в небе уже не осталось, а дождь все шел, и шел, и шел. Мы сидели в палатке и слушали, как дождевые капли отстукивают свой причудливый ритм. Говорить не хотелось. Да и не нужно было. В прозрачную всепонимающую тишину между нами вплетала свои мелодии музыка дождя.

Я замерзла и завернулась в спальник. Ты притянул меня к себе и обнял, чтобы согреть. В этом не было никакой интимности, просто дружеская забота. Мы лежали в тишине и слушали дождь, а потом ты вдруг поцеловал меня в волосы. Я удивленно посмотрела тебе в глаза, а твои губы неторопливо приблизились и прикоснулись к моим.

Такую любовь испытываешь к друзьям и любимым, людям, с которыми живешь бок о бок каждый день, с которыми говоришь о делах или домашних заботах, смеешься и пьешь чай, которых знаешь, кажется, лучше самой себя, с которыми каждая встреча — улыбка, а расставание — сожаление о том, что время так быстротечно. И вдруг в тихие минуты, когда суета отступает, время замирает, тишина окутывает тебя, ты погружаешься с головой в эту любовь и нежность и, глядя в глаза, не знаешь слов, чтобы рассказать о том, что чувствуешь. Это любовь, которую нельзя высказать словами и нельзя услышать. Можно только передать — взглядом, улыбкой, прикосновением, заботой — можно ли? Это любовь, которую можно только прожить. До слез и першения в горле.

Эта любовь — она с нами и вне нас, внутри нас, всюду. Она существует как данность и не зависит от того, помним ли мы о ней. Но как счастливы бываем мы, когда вспоминаем!

Как я люблю эти минуты тихой нежности утром, когда ты наедине со всем миром и умеешь слышать, как он говорит с тобой, едва слышно.

Сначала легко и осторожно, а потом все более и более настойчиво. Я лежала и молча принимала твои ласки, и сама не заметила, как стала отвечать на них. Мы целовались как сумасшедшие, как будто от этого зависела наша жизнь, и нежность незримой дымкой окутывала нас.

А дождь все шел. Не было ничего, только нежность и дождь... Потом ты осторожно скользнул губами по моему лицу, будто изучая мои черты, и, поцеловав мой висок, спросил: «Не замерзла?» — «Нет», — еле слышно прошептала я, потрясенная. — «Пора спать, — услышала я в ответ, — я обниму тебя покрепче, и нам будет тепло».

Я все ждала и боялась, что вот сейчас

Ласточки

случится нечто большее, но ты только плотнее прижал меня к себе, словно убаюкивая, зашептал ласковые слова, и через несколько минут я уснула под колыбельную дождя, улыбаясь.

Проснулась я рано, солнце едва пробивалось сквозь крохотные, выжженные угольками дырки в палатке. Ты по-прежнему обнимал меня, согревая. Я хотела потихоньку выбраться, не разбудив тебя. Но от моих движений ты проснулся, улыб-

нулся и чмокнул меня в макушку, а потом задумчиво поцеловал и, прижав меня к себе, счастливо вздохнул. На душе было легко и радостно, в голове — куча вопросов, на которые не хотелось отвечать. Хотелось отдаться этим светлым легким ощущениям и ни о чем не думать. Меня переполняла нежность к тебе, к дождю, благословившему нас ночью, ко всему, что было свидетелем нашего счастья. И я тихо засмеялась...

Татьяна Каргина

студентка ИГЛУ, II курс

ПУТЬ, КОТОРЫЙ МЫ ВЫБИРАЕМ

Когда я первый раз открыло глаза... я тут же их снова зажмурило. Я было ослеплено, поражено и даже подавлено тем, насколько потрясающе огромен, непонятен и пугающ этот мир. Я, такое маленькое и беспомощное, должно жить в этом мире! Я немного постояло с закрытыми глазами, постепенно свыкаясь с мыслью, что рано или поздно мне придется их открыть. Потом я медленно подняло веки и... ничего страшного не произошло. Я даже поймало себя на мысли, что этот мир не только пугающ, он еще и очень таинственен и интересен. И еще промелькнула робкая мысль, что когда-нибудь я смогу подружиться с этим миром и хоть немного его познать. И в тот момент я решила: я буду жить, жить во что бы то ни стало, раз уж я зачем-то очутилось в этом мире. И я начала расти. Расти вверх. Сначала я довольно смутно представляло, для чего я это делаю. Я мучительно разрывалось между желанием сжаться в комок, остаться маленьким и незаметным, жить в неизменном мире, где все понятно и знакомо, и жгучим интересом, жадной познания нового, желанием стать первооткрывателем. О, этот страх перед неизведанным, извечный враг движения вперед, но стоит его победить, стоит сделать свою жизнь открытой для нового, и все меняется самым невероятным образом! Что-то изнутри настойчиво толкало меня тянуться вверх, и я росло понемногу, шаг за шагом выигрывая чудовищно трудную битву, битву с самой собой. И в какой-то момент я ощутило, что произошло Нечто. Я отчетли-

во осознало, что отныне Я — Другое. Страх ушел, внутри появилось ощущение силы и уверенности, что этот путь — единственно верный. С этого момента передо мной день за днем стали открываться все новые и новые горизонты, я чувствовало, что меняюсь изнутри, и я радовалось и поражалось себе Новому. Это продолжает происходить со мной и сейчас. Каждый новый день моей жизни — это продолжение вчерашнего путешествия, и в то же время он несет что-то новое. Я вижу этот мир каждый раз уже немного другим, ведь он, как и я, меняется. Путь, который я выбрало, не назовешь легким, но это мой путь, и если бы он был иным, я было бы тоже совсем иное. Признаюсь, в какие-то моменты мне хочется поддаться воле обстоятельств, плыть по течению, не думая, что ждет в конце путешествия. Но это быстро проходит, стоит только оглянуться вокруг и увидеть маленьких и еще открытых всем ветрам существ, каким когда-то было я само, которым я нужно сильным, мудрым и уверенным, чтобы помогать их росту. Каждое утро, едва проснувшись, я спешу радостно поприветствовать этот мир, сообщить ему, что люблю его и радо жить в нем, и он отвечает мне взаимностью! Я тянусь каждым листочком, веточкой, жилкой в небо, осознавая, что сегодня я должно непременно сделать еще несколько шагов навстречу бесконечности. Да, я забыло представиться. Я — Дерево. И я расту. Потому что я могу расти и не могу не расти.

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ?..

Язык — вещь где-то мистическая, и никогда он не будет изучен до конца. Ни родной, ни уж тем более иностранный. Поэтому даже у очень хорошо подготовленных переводчиков и преподавателей бывают иногда казусы из серии «нарочно не придумаешь». Моя небольшая коллекция языковых приколов пополняется почти каждый день. А вот история, рассказанная одним из моих наставников...

Смерти пожелала...

Как-то после занятия, проведенного у японской группы, сижу себе в аудитории, журнал листаю, кофе пью... Вдруг стук в дверь. Ну, я, дабы не скомпрометировать себя распитием кофе в ненадлежащем месте — вдруг кто из начальства? — кричу: «Минуточку!», в быстром темпе сдвигаю ящик стола и ставлю туда чашку, стараясь не залить наиболее важные документы. Наконец кричу: «Войдите!» Входит один из японцев, которые были у меня на предыдущей паре. Вошел. Приблизился к столу, поклонился и сказал:

— Вы плохо знаете русский язык!

— ???

— Вы сказали нам дома найти в словаре наречие «шас». А его там нет.

Я недоумеваю жму плечами — как может не быть в словаре наречия «сейчас»? — Потом думаю, что он плохо посмотрел в

словаре, пропустил, может быть, — иностранец все-таки. И излагаю ему мои соображения. Но японец упорствует.

— Я просмотрел весь словарь на букву Щ, нет там такого слова.

— Да как же нет-то, что за глупо... На какую букву вы смотрели?!

— На Щ.

— А надо было на С!!! Слово-то только произносится «шас», а пишется «сейчас»! Вы хоть умрите, не найдете в словаре слова «шас»!

Он испуганно от меня отшатывается и быстро исчезает. Я снова недоумеваю, потом ругаю себя, что надо было спокойнее объяснять... Но что уже поделаешь? Я достаю обратно кофе из стола, но не успеваю сделать и пары глотков, как снова стучат в дверь. Наплевав на конспирацию, оставляю чашку на столе и кричу: «Войдите!» Появляется секретарь. Оказывается, меня срочно вызывают в деканат. Раздумывая, что я такого уже успела с утра натворить, и с тоской думая, что кофе непременно остынет к моему возвращению, я торопливо иду по коридору.

Декан огорошивает с порога:

— Почему вы сказали японскому студенту, что он скоро умрет?!

Оказывается, моя невинная для русского человека фраза «да вы хоть умрите, не найдете...» для японца прозвучала чем-то средним между предсказанием и угрозой. С тех пор я стараюсь объяснять менее эмоционально.

КТО ИГРАЕТ В COUNTER-STRIKE*

Сегодня повсюду слышатся разговоры о пагубном воздействии компьютерных игр на неокрепшую психику детей и подростков.

По мнению некоторых психологов, врачей, педагогов, компьютерные игры имеют огромное отрицательное влияние на тела и души молодых людей. Начиная с плохого воздействия на зрение и заканчивая проблемами, связанными с психикой — тут и возросшая агрессивность, и стирание грани между реальным и виртуальным миром, и многое другое.

И я решил узнать, как на эти вопросы смотрят сами подростки, те, которые регулярно посещают компьютерные залы. Встретившись со своим хорошим знакомым Сергеем, заядлым игроком, я спросил, что он думает по этому поводу. И вот Серега сидит передо мной. Это 16-летний парень из Иркутска, учится в лицее, является большим любителем Counter-Strike и других игр.

— Сергей, как ты относишься к публикациям о том, что в сознании подростков игры разрушают границы реальности, что якобы имеет непредсказуемые последствия?

— Да, я читал об этом, но серьезно к такому мнению не отношусь. Все гораздо проще. Вон сколько нас в игротеке «зависает», пока ни у кого крыша не поехала. Хотя... (задумывается) бывают и такие, которые с головой уходят в игры, забывают обо всем... Но здесь, скорее всего, что-то другое. Может, уход от каких-то проблем, семейных, например. Просто нужно знать меру, ведь игра есть игра. Поиграл и забыл.

— А что ты скажешь насчет возросшего подросткового суицида? Есть ли в этом явлении доля вины компьютерных игр?

— Ну не знаю... Это у людей конкретно «фишка стреляет». Я лично таких не встре-

чал, чтобы проиграл в игру, пошел и повесился. А если такое и происходит, то уж точно не только от игр. Здесь в другом месте причину искать надо.

— Вызывает ли у тебя Counter-Strike приливы агрессии?

— У меня нет. Ну вот, например, закончился трудный день в лицее, я прихожу в игротеку, сажусь за комп, выплескиваю все свое напряжение в игре и успокаиваюсь. Таким образом я разряжаюсь.

— Я слышал, что Counter-Strike — это некое «пособие по терроризму». Как ты считаешь это так?

— Ну есть там один момент... Террористы ставят бомбу, а менты ее обезвреживают, если найдут. Но я не считаю это каким-то «пособием», это просто азарт.

— А как ты совмещаешь учебу в лицее со своим увлечением играми?

— Вначале я, конечно, думаю об успеваемости, а уж потом об игротеке. Мне же в этом году в институт придется поступать. Я на юрфак хочу попробовать, в ИГУ...

— В чем, по-твоему, положительное влияние компьютерных игр? Оно вообще есть?

— Конечно, есть. Если так с ходу, то это развитие мышления, логики, реакции и т.д. И еще. Многие идут в игротеку, потому что больше некуда идти. Там у нас своя тусовка. Уж лучше туда, чем в подвал, верно?

— Значит, ты считаешь проблему с компьютерными играми надуманной?

— Не то чтобы надуманной... Но и чересчур волну гнать не стоит. А всем, кто играет, хочу сказать: «Пацаны, все хорошо в меру!»

Но, не успокоившись на этом, я спросил Сережину маму, Наталью Ивановну, как она смотрит на проблему компьютерных игр

* Counter-Strike — одна из самых распространенных компьютерных игр. Еще недавно была под запретом. — Прим. автора.

Стефанович
№ 1 (11) 2002

и как отражается увлечение ее сына на его поведении. Ведь матери всегда виднее...

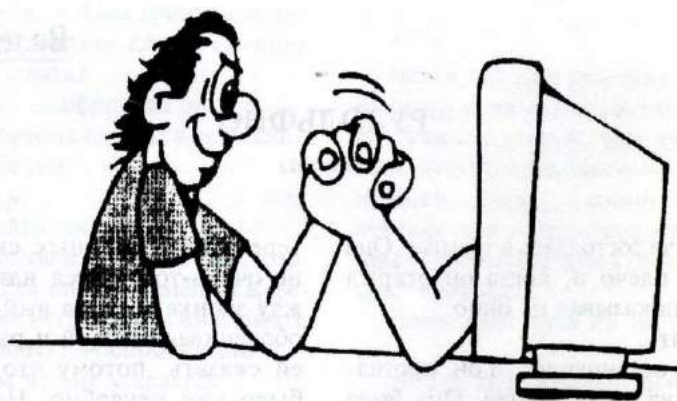
— Поведение, конечно, изменилось, даже очень. Он стал более грубым, резким каким-то... примитивным. Все свободное время проводит в игротке. К сожалению, это сильно затягивает. Да и для здоровья не может пройти бесследно: зрение портит, я уже не говорю об излучении... А насчет агрессии, я думаю где-то на подсознании

она все-таки откладывается, и кто знает, как это скажется в дальнейшем.

Мне очень жаль, что Сергей к 16 годам не нашел для себя другого увлечения. Ну, например, спорт или музыка... Может, и я в этом виновата?

Вот так думают мой друг Сергей и его мама. А как считаете вы?

Поделитесь своим мнением. Ждем писем.

Золотой фонд

В марте этого года иркутская земля отмечала 65-летний юбилей **Валентина Распутина**, автора книг, широко изданных в России и во всем мире, лауреата Государственных и других премий, Почетного гражданина города Иркутска. Свои повести и рассказы Валентин Распутин написал о людях, живущих на берегах Ангары. Его родное село Аталанка, на месте которого плещутся сейчас волны Братского моря, перенесено на более высокое место, но живо. Ангара, Байкал, Иркутск — любимые сердцу писателя места. Но есть один ранний рассказ, стоящий как бы в стороне от главной дороги его творчества. Это рассказ — только о любви, о счастливых открытиях и терзаниях юной души. И название у него необычное — «Рудольфио».

Валентин Распутин

РУДОЛЬФИО

Рассказ

Первая встреча состоялась в трамвае. Она тронула его за плечо и, когда он открыл глаза, сказала, показывая на окно:

— Вам сходить.

Трамвай уже остановился, и он, проталкиваясь, прыгнул сразу за ней. Она была совсем девчонка, лет пятнадцати-шестнадцати, не больше, он понял это тут же, увидев ее круглое, моргающее лицо, которое она повернула к нему, ожидая благодарности.

— Спасибо, — сказал он, — я ведь мог проехать.

Он почувствовал, что ей этого недостаточно, и добавил:

— Сегодня был сумасшедший день, я устал. А в восемь мне должны позвонить. Так что ты меня здорово выручила.

Кажется, она обрадовалась, и они вместе побежали через дорогу, оглядываясь на мчащуюся машину. Шел снег, и он заметил, что на ветровом стекле машины работал «дворник». Когда идет снег — вот такой мягкий, пушистый, словно где-то там, наверху,

теребят диковинных снежных птиц, — не очень-то хочется идти домой. «Подожду звонка и снова выйду», — решил он, оборачиваясь к ней и размышляя, что бы ей сказать, потому что дальше молчать было уже неудобно. Но он понятия не имел, о чем можно с ней говорить и о чем нельзя, и все еще раздумывал, когда она сама сказала:

— А я вас знаю.

— Вот как! — удивился он. — Это каким же образом?

— А вы живете в сто двенадцатом, а я в сто четырнадцатом. В среднем два раза в неделю мы вместе ездим в трамвае. Только вы, конечно, меня не замечаете.

— Это интересно.

— А что тут интересного? Ничего интересного нету. Вы, взрослые, обращаете внимание только на взрослых, вы все ужасные эгоисты. Скажете, нет?

Она повернула голову вправо и смотрела на него слева, снизу вверх. Он хмыкнул только и не стал ничего ей отвечать, пото-

му что все еще не знал, как вести себя с ней, что можно и что нельзя ей говорить.

Некоторое время они шли молча, и она глядела прямо перед собой и, так же глядя прямо перед собой, как ни в чем не бывало заявила:

— А вы ведь еще не сказали, как вас зовут.

— А тебе это необходимо знать?

— Да. А что особенного? Почему-то некоторые считают, что если я хочу знать, как зовут человека, то обязательно проявляю к нему нездоровый интерес.

— Ладно, — сказал он, — я все понял. Если тебе это необходимо — меня зовут Рудольф.

— Как?

— Рудольф.

— Рудольф. — Она засмеялась.

— Что такое?

Она засмеялась еще громче, и он, приостановившись, стал смотреть на нее.

— Ру-дольф. — Она округлила губы и снова закатилась. — Ру-дольф. Я думала, что так только слона в зверинце могут звать.

— Что?!

— Ты не сердись. — Она тронула за рукав. — Но смешно, честное слово, смешно. Ну что я могу поделать?

— Девчонка ты, — обиделся он.

— Конечно, девчонка. А ты взрослый.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— А мне двадцать восемь.

— Я же говорю: ты взрослый, и тебя зовут Рудольф. — Она снова засмеялась, весело поглядывая на него слева, снизу вверх.

— А тебя как зовут? — спросил он.

— Меня? Ни за что не угадаешь.

— А я и не буду гадать.

— А если бы и стал — не угадал бы. Меня зовут Ио.

— Как?

— Ио.

— Ничего не пойму.

— Ио. Ну, исполняющий обязанности. Ио.

Отмщение наступило моментально. Не в силах остановиться, он хохотал, раскачиваясь то вперед, то назад, как колокол. Достаточно было ему взглянуть на нее, и смех начинал разбирать его все больше и больше.

— И-о, — булькало у него в горле. — И-о.

Она ждала, оглядываясь по сторонам, потом, когда он немного успокоился, обиженно сказала:

— Смешно, да? Ничего смешного. Ио —

такое же обыкновенное имя, как все другие.

— Ты извини, — улыбаясь, он наклонился к ней. — Но мне действительно было смешно. Вот теперь мы квиты, правда?

Она кивнула.

Первым был ее дом, а за ним — его. Остановившись у подъезда, она спросила:

— А какой у тебя телефон?

— Тебе это не надо, — сказал он.

— Боишься?

— Дело не в этом.

— Взрослые всего на свете боятся.

— Это верно, — согласился он.

Она вынула из рукавицы свою ручонку и подала ему. Рука была холодной и тихой. Он пожал ее.

— Ну, беги домой, Ио. — Он опять засмеялся.

У двери она остановилась.

— А теперь ты меня узнаешь в трамвае!

— Еще бы, конечно, узнаю.

— До трамвая... — Она подняла над головой руку.

— ...в котором мы вместе поедem, — добавил он.

Через два дня он уехал в командировку на север и вернулся только через две недели. Здесь, в городе, уже чувствовался яркий, острый запах наступающей весны, слывшей с него, словно пепел, зимнюю неясность и неотчетливость. После северных туманов все здесь было ярче и звонче, даже трамваи.

Дома жена чуть ли не сразу же сказала ему:

— Тут тебе каждый день какая-то девчонка звонит.

— Какая еще девчонка? — равнодушно и устало спросил он.

— Не знаю. Я думала, ты знаешь.

— Не знаю.

— Она мне надоела.

— Забавно, — нехотя улыбнулся он.

Он принимал ванну, когда зазвонил телефон. Через дверь было слышно, как жена отвечала: приехал, моется, пожалуйста, попозже. И он уже собирался ложиться, когда телефон зазвонил снова.

— Да, — сказал он.

— Рудик, здравствуй, ты приехал! — раздался в трубке чей-то радостный голос.

— Здравствуйте, — осторожно ответил он. — Кто это?

— А ты не узнал? Эх ты, Рудик... Это я, Ио.

— Ио, — тотчас вспомнил он и невольно рассмеялся. — Здравствуй, Ио. Ты, оказывается, подобрала для меня более подходящее имя.

— Да. Тебе нравится?

— Меня так звали, когда мне было столько же, сколько сейчас тебе.

— Не важничай, пожалуйста.

— Нет, что ты...

Они замолчали, и он, не выдержав, спросил:

— Так в чем дело, Ио?

— Рудик, она что — твоя жена?

— Да.

— А почему ты не сказал мне, что жена?

— Прости меня, — шутливо ответил он, — я не знал, что это очень важно.

— Конечно, важно. Ты что — любишь ее?

— Да, — сказал он. — Ио, послушай, пожалуйста: не надо мне больше звонить.

— Ис-пу-гал-ся, — нараспев произнесла она. — Ты, Рудик, не подумай чего. Ты, конечно, живи с ней, если хочешь, я не против. Только так тоже нельзя: не звони. А может, мне по делу надо будет.

— По какому делу? — улыбаясь, спросил он.

— Ну как по какому? Ну... ну, например, из одного резервуара у меня вода никак под ответ не выкачивается в другой, — нашла она. — Ведь тогда можно, правда?

— Не знаю.

— Конечно, можно. А ее ты не бойся, Рудик, ведь нас двое, а она одна.

— Кого? — не понял он.

— Да жену твою.

— До свидания, Ио.

— Ты устал, да?

— Да.

— Ну, хорошо. Пожми мне лапу и ложись спать.

— Жму тебе лапу.

— А с ней даже не разговаривай.

— Ладно. — Он засмеялся. — Не буду.

Все еще улыбаясь, он вернулся к жене.

— Это Ио, — сказал он. — Так зовут эту девочку. Забавно, правда?

— Да, — выжидающе ответила она.

— Она не могла решить задачу с двумя резервуарами. Она учится не то в седьмом, не то в восьмом классе — не помню.

— И ты помог ей с задачей?

— Нет, — сказал он. — Я все перезабыл, а резервуары — это действительно сложно.

Утром телефон зазвонил чуть свет. Какой

там свет — никакого света не было, весь город спал последним предрассветным сном. Поднимаясь, Рудольф взглянул на дом напротив — ни одно окно еще не было освещено, и только подьезды, как губные гармошки, сияющие металлом, светились четырьмя правильными рядами. Телефон трезвонил беспрерывно. Подходя к нему, Рудольф взглянул на часы: половина шестого.

— Слушаю, — сердито сказал он в трубку.

— Рудик, Рудик...

Он рассвирепел:

— Ио, ведь это же черт знает что такое...

— Рудик, — перебили его, — послушай, не сердись, ты еще не знаешь, что случилось.

— Что случилось? — остывая, спросил он.

— Рудик, ты уже больше не Рудик, ты Рудольфио, — торжественно объявили ему. — Рудольфио! Здорово, правда? Это я только что придумала, Рудольф и Ио — вместе получается Рудольфио, как у итальянцев. Ну-ка повтори.

— Рудольфио. — В его голосе смешались отчаяние и ярость.

— Правильно. Теперь у нас с тобой одно имя — мы нерасторжимы. Как Ромео и Джульетта. Ты, Рудольфио, и я Рудольфио.

— Послушай, — приходя в себя, сказал он. — Ты бы не могла в другой раз наречь меня в более подходящее время?

— Ну как ты не поймешь, что я не могла ждать. Вот. А потом, тебе пора вставать. Рудольфио, запомни: в половине восьмого я жду тебя на трамвайной остановке.

— Я сегодня не поеду на трамвае.

— Почему?

— У меня отгул.

— А что это такое?

— Отгул — это внеочередной выходной, я не пойду на работу.

— А-а, — сказала она. — А как же я?

— Не знаю. Поезжай в школу, и все.

— А у твоей жены тоже отгул?

— Нет.

— Ну, это еще ничего. Только ты не забывай: нас теперь зовут Рудольфио.

— Я счастлив.

Он водворил трубку на место и, чертыхаясь, пошел кипятить чай. Уснуть теперь все равно он бы не смог. К тому же в доме напротив уже светились три окна.

В полдень в дверь постучали. Он как раз мыл полы и, открывая, держал в руках мокрую тряпку, которую почему-то не догадался оставить где-нибудь по дороге.

Это была она.
— Здравствуй, Рудольфио.
— Ты? — удивился он. — Что случилось?
— Я тоже взяла отгул.
Лицо как у святой — ни единой капли того, что называют угрызениями совести.
— Вон как! — мужественно ответил он. — Гуляешь, значит. Ну, проходи, коли пришла. Я сейчас домою.
Не раздеваясь, она села в кресло возле окна и стала смотреть, как он, склонившись, водит тряпкой по полу.
— Рудольфио, по-моему, ты несчастлив в семейной жизни, — заявила она через минуту. Он выпрямился.
— С чего ты взяла?
— Это очень легко увидеть. Например, ты без всякого удовольствия моешь полы, а у счастливых так не бывает.
— Не выдумывай, — улыбаясь, сказал он.
— А скажешь, счастлив?
— Ничего не скажу.
— Ну вот.
— Ты лучше разденся.
— Я тебя боюсь, — заглядывая в окно, сказала она.
— Что-что?
— Ну, ты же мужчина.
— Ах вон что. — Он засмеялся. — Как же ты осмелилась сюда прийти?
— Ну, мы же с тобой Рудольфио.
— Да, — сказал он, — я все забываю об этом. Это, конечно, накладывает на меня определенные обязанности.
— Конечно.
Она замолчала и, пока он гремел ведром в кухне, сидела тихо. Но когда он вышел к ней, пальто уже висело на спинке кресла, а лицо Ио было задумчивое и печальное.
— Рудольфио, а я сегодня плакала, — вдруг призналась она.
— Отчего, Ио?
— Не Ио, а Рудольфио.
— Отчего, Рудольфио?
— Это из-за моей старшей сестры. Она устроила скандал, когда я решила взять отгул.
— По-моему, она права.
— Нет, Рудольфио, не права. — Она поднялась с кресла и стала возле окна. — Один раз можно, как вы не поймете. Я сейчас знаешь какая счастливая, что с тобой говорю...
Она опять замолчала, и он внимательно посмотрел на нее. Сквозь платье, волнуясь, у нее пробивались груди, как два маленьких гнездышка, которые лепят неведомые птицы, чтобы выводить в них птенцов. Он

заметил, что уже через год лицо у нее удлинится и станет красивым, и ему стало грустно от мысли, что со временем будет и у нее свой парень. Он подошел к ней, взял ее за плечи и, улыбнувшись, сказал:
— Все будет хорошо.
— Правда, Рудольфио?
— Правда.
— Я тебе верю, — сказала она.
— Да.
Он хотел отойти, но она позвала:
— Рудольфио!
— Да.
— Зачем ты так рано женился? Ведь еще бы два года, и я бы вышла за тебя замуж.
— Не торопись, — сказал он. — Ты и так выйдешь замуж за какого-нибудь очень хорошего парня.
— Я бы хотела за тебя.
— Он будет лучше, чем я.
— Ну да, — недоверчиво протянула она. — Ты думаешь, лучше бывают?
— В тысячу раз лучше бывают.
— Но это будешь не ты. — Она неумело вздохнула.
— Давай лучше пить чай, — предложил он.
— Давай.
Он пошел на кухню и поставил чайник на плитку.
— Рудольфио!
Она стояла возле полок с книгами.
— Рудольфио, у нас с тобой самое красивое имя. Вот посмотри, даже у писателей нет лучше. — Она на мгновение умолкла. — Может быть, только вот у этого. Эк-зю-пери. Правда, красивое?
— Да, — сказал он. — А ты не читала его? — Нет.
— Возьми и почитай. Только без отгулов — договорились?
— Договорились.
Она стала одеваться.
— А чай? — вспомнил он.
— Рудольфио, я лучше пойду, хорошо? — Улыбка у нее стала грустной. — Ты только не говори жене, что я здесь была. Хорошо, Рудольфио?
— Ладно, — пообещал он.
Когда она ушла, он почувствовал, что ему стало тоскливо, он был полон какой-то необъяснимой, еще не открытой тоски, тем не менее существующей в природе. Он оделся и вышел на улицу.
* * *
Весна наступила как-то сразу, почти без предупреждения. Люди за несколько дней

стали добрее, и эти несколько дней казались им переходным периодом от поры ожидания к поре свершения, потому что весенние сны с мастерством опытной гадалки напроорочили им счастье и любовь.

В один из таких дней, уже вечером, когда Рудольф возвращался домой, его оставила пожилая женщина.

— Я мать Ио, — начала она. — Вы простите, вас, кажется, зовут Рудольфио.

— Да, — улыбнувшись, согласился он.

— Я знаю о вас от дочери. В последнее время она много говорит о вас, но я...

Она замаялась, и он понял, что ей трудно спросить то, что необходимо было спросить как матери.

— Вы не волнуйтесь, — сказал он. — У нас с Ио самая хорошая дружба, и ничего плохого от этого не будет.

— Конечно, конечно, — смущаясь, заторопилась она. — Но Ио — взбалмошная девчонка, она нас совсем не слушает. И если вы повлияете на нее... Понимаете, я боюсь, возраст такой, что надо бояться, — она может натворить глупостей. И потом, меня пугает, что у нее совсем нет подруг среди одноклассниц и вообще среди сверстников.

— Это плохо.

— Я понимаю. Мне показалось, вы имеете на нее влияние...

— Я поговорю с ней, — пообещал он. — Но, по-моему, Ио хорошая девочка, зря вы так беспокоитесь.

— Не знаю.

— До свиданья. Я поговорю с ней. Все будет хорошо.

Он решил позвонить ей сразу же, не откладывая, тем более что жены дома не было.

— Рудольфио! — Было видно, что она очень обрадовалась. — Какой же ты молодец, что позвонил, Рудольфио, а я опять плакала.

— Нельзя так часто плакать, — сказал он.

— Это все «Маленький принц». Мне его жалко. Ведь правда, он был у нас на земле?

— По-моему, правда.

— И по-моему, тоже. А мы не знали. Ведь это же ужасно. И если бы не Экзюпери, никогда бы не узнали. Не зря у него такое же красивое имя, как и у нас.

— Да.

— Я еще вот о чем думаю: хорошо, что он так и остался Маленьким принцем. Потому что страшно: а вдруг потом он стал бы самым обыкновенным? А у нас и так слишком много обыкновенных.

— Не знаю.

— Зато я знаю, это точно.

— А «Планету людей» ты прочитала?

— Я все прочитала, Рудольфио. По-моему, Экзюпери очень мудрый писатель. Даже страшно становится, до чего мудрый. И добрый. Помнишь: Барка выкупают на свободу, дают ему деньги, а он тратит их на туфельки для ребятешек и остается ни с чем.

— Да, — сказал он.

— А помнишь Боннафуса, который разорял и грабил арабов, а они его ненавидели и в то же время любили?

— Потому что без него пустыня казалась бы им самой обыкновенной, а он делал ее опасной и романтической.

— Ты молодчина, если все это понимаешь, — сказал он.

— Рудольфио... — Она замолчала.

— Я слушаю, — напомнил он.

Она молчала.

— Рудольфио, — отчего-то волнуясь, сказал он. — Приходи сейчас ко мне, я один.

Оглядываясь, она прошла к креслу и села.

— Ты чего такая тихая? — спросил он.

— Ее правда нет?

— Жены?

— Ну да.

— Нет.

— Мыбра она у тебя.

— Что?

— Мыбра — вот что!

— Где ты взяла это слово?

— В великом русском языке. Там для нее ничего более подходящего нет.

— Ио, ну нельзя же так.

— Не Ио, а Рудольфио.

— Ах да.

— Я недавно позвонила и попала на нее. Знаешь, что она мне сказала? Если, говорит, ты насчет резервуаров, то лучше обратиться к учителю. По-моему, она ревнует тебя ко мне.

— Не думаю.

— Рудольфио, а правда, я лучше ее? Я ведь еще не оформилась как следует, у меня все впереди.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вот видишь. По-моему, тебе пора с ней развестись.

— Не говори глупости, — оборвал он ее. — Я тебе слишком многое позволяю.

— Из любви, да?

— Нет, из дружбы.

Она, насупившись, умолкла, но было видно, что это ненадолго.

Голос у нее был сбивчивый, дрожащий.
— Я слушаю, — сказал он.
— Рудольфио, Ио сегодня не ночевала дома.

Ему надо было что-нибудь ответить, но он молчал.

— Мы в отчаянии, мы не знаем, что делать, что предпринять, это впервые...

— Сначала успокойтесь, — сказал наконец он. — Может быть, она заночевала у подруги.

— Не знаю.

— Скорей всего так оно и есть. Если часа через два не придет, будем искать. Только успокойтесь, через два часа я позвоню вам.

Он опустил трубку, подумал и сказал сам себе: ты тоже успокойся, может быть, она заночевала у подруги. Но успокоиться он не мог, наоборот, он почувствовал, что его начинает бить нервная дрожь. Чтобы унять ее, он пошел в чулан и, насвистывая, стал рыться в своих старых, еще школьных учебниках. Задачник по алгебре где-то запропастился, и, отыскивая его, он немножко отвлекся.

Телефон, притаившись, молчал. Рудольф закрыл за собой на кухне дверь и стал листать учебник. Вот она: если из одного резервуара в течение двух часов перекачивать воду в другой резервуар...

Зазвонил телефон.

— Она пришла. — Не сдержавшись, мать заплакала.

Он стоял и слушал.

— Рудольфио, придите, пожалуйста, к

нам. Она опять заплакала и уж потом добавила: — С ней что-то случилось.

Не спрашивая разрешения, он снял плащ, и мать молча показала ему рукой на дверь ее комнаты.

Ио сидела на кровати, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь, смотрела прямо перед собой в окно.

— Рудольфио! — позвал он.

Она обернулась к нему и ничего не сказала.

— Рудольфио!

— Перестань, — брезгливо сморщилась она. — Какой ты Рудольфио, ты самый обыкновенный Рудольф. Самый обыкновенный Рудольф, понимаешь?

Удар был настолько сильным, что боль сразу охватила все тело, но он заставил себя остаться, он подошел к окну и оперся на подоконник.

Она все раскачивалась взад и вперед и все смотрела перед собой, мимо него, и тихо скрипели под ней пружины кровати.

— Ну хорошо, — соглашаясь с ней, сказал он. — Но объясни, где ты была?

— Иди ты к черту! — не оборачиваясь, устало ответила она.

Он кивнул. Потом снял с вешалки свой плащ и, не отвечая на молчаливые вопросы ее матери, спустился с лестницы и пошел к черту. Воскресенье только еще начиналось, прохожих на улице было мало, и никто его не остановил. Он перешел через пустырь, спустился к берегу и вдруг подумал: а куда же дальше?

На улице улыбок

Александра Чекулаева

г. Иркутск, гимназия № 25

Учитель

№ 1 (11) 2002

В школе было весело...

Тамара Алексеевна. Мне кажется, что вы не замечаете многого. К примеру... Какие у меня глаза?
Настя Сафонова. Ну, я не знаю... Черные или зеленые... Кошачьи, короче.

Саша Оленев (*читает*). Екатерина Ивановна исторически захохотала.

Тамара Алексеевна (*разбирая сочинения*). Вот что, к примеру, пишет один ученик из А-класса: «Сиганула Катерина в волны».

Любовь Васильевна. Если готовите пакостные вопросы, предупреждаю: готовьте на них ответы!

Ученик. Почему?

Любовь Васильевна. Они останутся без ответа.

Ученик. Интересно: сам задаешь вопрос, сам на него отвечаешь...

Любовь Васильевна. А как же? Приготовил пакость — отвечай за нее...

Галина Александровна. Что такое парсек?

Саша Маташов. Пара секунд.

Учитель. В Иркутске Колчак женился.

Саша Колмыков. А на ком?

Учитель. На женщине.

Саша Колмыков. Да, я бы так не смог...

Учительница. Маташов, помолчи!
Саша Маташов. Я и так молчу!
Учительница. Тише молчи...

Ученик. Грипп впервые был описан в 412 г. до н. э. Гриппократом.

Евгения Юрьевна. Не смейтесь. Смех без причины — ...
Саша Колмыков. ... — признак неоконченного образования.

Галина Михайловна. Хромосома женщины и хромосома
мужчины сильно отличаются...
Таня Куркова. Конечно, у женщины хромосома красивее!

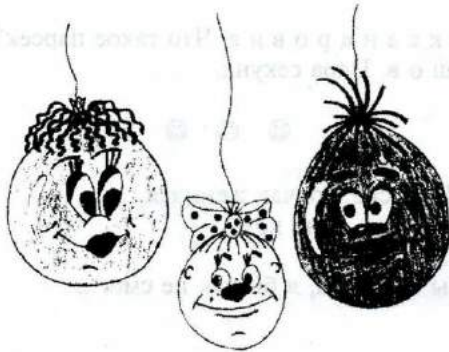
Тамара Алексеевна (*удивлено*). И это все?
Маша Досужая. Краткость — сестра таланта...
Тамара Алексеевна (*заканчивает*) ...Чехова.

Наталья Юрьевна (*во время самостоятельной работы*). Соколов,
убери руку с учебника!
Саша Соколов. Ну, я так, просто. Вы же не думаете, что у меня
на пальце третий глаз?!

Галина Михайловна. Назовите мне космическую роль зеленых
растений.
Саша Соколов. На них пришельцы ориентируются, когда на
Землю прилетают.

Первоцвет

№ 1 (11)' 2002

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области.

*Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10,
тел. (3952) 27-07-93, 20-43-01
E-mail redaktor@youlib.irk.ru

Бумага типографская. Печать RISO.
Заказ 154. Тираж 500 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Оперативная типография "На Чехова"
г.Иркутск, ул.Чехова, 10, тел.: (3952) 27-33-56
Лицензия ПД №13-0035
www.na-chehova.irk.ru
E-mail: chehova@irk.ru